

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВ

Мастер Разломов

ТОМ IV

Александр Василев

Мастер Разломов. Том IV

<https://litres.ru/74274318>

SelfPub; 2026

Аннотация

В классе Е опасность часто выглядит как опасность.

Трещина. Пятно. Холодный край. Зубастая тварь, которая считает тебя ужином, а себя — естественным порядком вещей.

В классе D опасность уже умеет прятаться.

В классе C она начинает спорить.

В классе B — учиться.

А здесь

Я смотрел на чистый, ровный, честный проход.

— Потому что в классе A, — сказал я медленно, — если всё выглядит безопасным, значит, место уже решило, как будет убивать.

Содержание

Глава 1. Пол не отвечает	5
Глава 2. Боковой ход	45
Глава 3. Слишком правильный круг	80
Глава 4. Кулак Макара	110
Глава 5. Разделение узла	149
Глава 6. Центральный контур	195
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Александр Василев

Мастер Разломов. Том IV

Название: Мастер Разломов Том IV

Автор(-ы): Александр Василев

Ссылка: <https://author.today/work/584661>

Глава 1. Пол не отвечает

Пол ответил Гвоздю слишком глубоко.

Не звуком.

Памятью камня.

Так отвечает могильная плита, если заранее знает, кого ей
положат сверху.

Гвоздь стоял перед следующим проходом и смотрел вниз.

Большой.

Широкий.

Тяжёлый.

Обычно люди вроде него кажутся простыми только тем,
кто не понимает, сколько у сильного человека внутри мел-
кой точности. Сколько там расчёта, привычки, боли, осто-
рожности. Сколько раз он успел подумать, куда поставить
ногу, чтобы под тобой не треснула доска. Как взять человека
под плечо, чтобы не сломать ему ребро. Как держать балку,
пока остальные пролезают, и не показать, что уже темнеет в
глазах.

Гвоздь был не просто сильный.

Он был человеком, который привык, что если что-то па-
дает, он должен оказаться под этим первым.

Плохая привычка.

Полезная.

И поэтому особенно опасная.

На стене перед нами проступили строки:
ТРЕБУЕТСЯ ПРОВЕРКА ОПОРЫ.
ОПОРА — НЕПРЯМАЯ.
ИСПРАВИТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕСА.

Сенька сидел у стены после своей слуховой проверки и смотрел на надпись с видом человека, которому жизнь уже надоела, но он всё равно собирается комментировать.

— Можно я скажу, что мне не нравится слово «исправить»?

Лиска покосилась на него.

— Можно. Только тихо. А то она исправит тебя первым.

— Меня уже голосом звали. Я теперь сложный для исправления.

Голос из стены ответил его же голосом:

— Можно.

Сенька замер.

Потом медленно повернул голову к стене.

— Вот теперь врёт.

И впервые за всё время он улыбнулся не от страха.

А потому что услышал.

Это было хорошо.

Ненадолго.

Гвоздь сделал ещё один шаг.

Пол ответил.

Глубоко.

Слишком глубоко.

— Макар, — сказал он.

Я посмотрел на него.

— Что?

Он не поднимал глаз.

— Пол нас держит.

— Это плохо?

Гвоздь побледнел.

А когда Гвоздь бледнеет, умные люди начинают искать, где ближайшая живая стена, и заранее договариваться с богами, которых не уважают.

— Нет, — сказал он. — Хуже.

— Говори.

Он медленно перенёс вес с одной ноги на другую.

Пол снова ответил.

Такой звук бывает не у пола.

Такой звук бывает у глубины.

— Он держит только тех, кого признал весом.

Лиска убрала кинжалы в ножны.

— Плохо считает?

Гвоздь посмотрел на проход.

— Посмотрим, выдержит ли.

Я поднял кулак.

Бригада замерла.

Не потому что боялась пола.

Потому что после страха, журнала и голоса даже камень уже не казался камнем. В старой гильдейской станции всё,

что выглядело нормальным, сперва проходило у нас по статье подозрительных.

Впереди был зал.

Широкий.

Ровный.

Пустой.

Именно пустой, а не свободный.

Большие каменные плиты уходили вперёд до дальних дверей. Потолок был высокий, но держался на тонких колоннах. Слишком тонких. Таких, какие любят рисовать архитекторы в красивых проектах, когда им не нужно потом стоять под ними во время землетрясения.

По краям зала виднелись старые гильдейские отметки: круги, линии, деления, символы распределения нагрузки. На стенах — едва заметные следы старых таблиц. Когда-то здесь измеряли, считали, учили.

Теперь здесь ждали.

Контур открылся тяжело.

Не болью.

Давлением.

Будто кто-то положил мне на череп мокрую каменную плиту и сказал: смотри, инженер, вот тебе урок по несущей способности, только ученики у тебя живые.

[Контур: активен]

[Объект: зал проверки опоры]

[Визуальная структура: стабильна]

[Физическая нагрузка: некорректна]

[Опорная реакция: выбирает носителя]

[Вес группы: не суммируется]

[Вес вины: активен]

Я моргнул.

Вес вины.

Вот теперь мне очень захотелось выйти, найти архитектора этой станции, воскресить его, дать ему по голове чертежом и спокойно спросить, что именно он считал допустимой учебной нагрузкой.

— Что видишь? — спросила Элиана.

— Плохую механику.

— Конкретнее?

— Под считает не килограммы.

Сенька осторожно поднял руку.

— А что? Мои долги? Потому что тогда я назад.

Сила закрыл глаза.

— Нет.

Он говорил тихо, но все слышали.

— Не долги.

— Тогда что? — спросила Лиска.

Сила открыл глаза и посмотрел на зал.

— То, что человек несёт, когда ему кажется, что он должен был удержать больше.

Сенька перестал шутить.

На целых три секунды.

Это было почти чудо.

Горн подошёл ближе к старым отметкам на стене и провёл пальцами рядом с ними, не касаясь.

Он уже научился.

В этой станции трогать прошлое руками было плохой привычкой.

— Здесь учили распределять тяжёлое, — сказал он.

— Что тяжёлое? — спросил Мишка.

— Раненого. Ядро малого разлома. Нестабильный артефакт. Каменную связку печатей. Всё, что нельзя нести одному.

Лиска прищурилась.

— Звучит почти разумно.

— Было разумно.

— Дальше будет «но»?

Горн усмехнулся без радости.

— У Гильдии всегда было «но». Просто в документах его называли уточнением.

Он посмотрел на пол.

— Потом появился протокол: назначить несущего.

Гвоздь медленно повернул голову.

— Одного?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы группа могла сохранить скорость и строй.

Лиска тихо сказала:

— Чтобы остальные шли легче.

Горн не стал спорить.

— Мы думали, это дисциплина.

— А было? — спросил я.

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Удобный способ не смотреть, как ломается один.

Пол под нами отозвался низким звуком.

Как будто согласился.

Или записал.

Мишка развернул карту.

Я увидел, как его лицо изменилось.

Не страх.

Обида.

На карту.

— Она не рисует пол, — сказал он.

— А что рисует? — спросил Сенька.

Мишка поднял карту так, чтобы мы видели.

На ней зал был пустым. Без плит. Без колонн. Без отметок.

Только наши маленькие знаки и тёмные пятна впереди.

— Где мы упадём, — сказал Мишка.

Сенька тихо выдохнул.

— Ну хоть что-то полезное.

— Сенька, — сказала Лиска.

— Что?

— Не помогай.

Дарен смотрел не на пол.

Конечно.

Он смотрел на промежутки между колоннами, на места, где зал был слишком широк, на линии взгляда. Потом тихо сказал:

— Здесь бок не сбоку.

— А где? — спросил я.

Дарен указал на середину зала.

— Под тем, кто не должен падать.

Очень хорошо.

Очень плохо.

Элиана стояла рядом со мной, рассматривая старую форму на стене. Её лицо стало строгим. Не холодным — именно строгим. Так смотрят не на врага, а на ошибку в доказательстве, из-за которой может рухнуть башня.

— Это была проверка распределения нагрузки, — сказала она.

— А теперь? — спросил Гвоздь.

— Теперь станция распределяет не нагрузку. Ответственность.

Гвоздь медленно хмыкнул.

— Ответственность тяжёлая?

Элиана посмотрела на него.

— Часто тяжелее камня.

— Камень хотя бы честный.

— Не здесь.

Лиска посмотрела в зал.

— Страх не тянет в сторону.

— А куда? — спросил Сенька.

— Вниз.

После этого стало совсем тихо.

Сенька наклонил голову.

— Шаги не возвращаются.

— Эхо? — спросил я.

— Нет эха. Шаги уходят вниз.

— Это плохо?

— Нет. Они проваливаются в слух.

Он поморщился, словно у него в ухе зашевелилась пыль.

— Там глубоко. Но не под полом.

— А где?

Сенька посмотрел на Гвоздя.

— В нём.

Гвоздь ничего не сказал.

Только сжал кулаки.

Вот так станция и работала.

Не просто показывала ловушку.

Она показывала, где человек уже сам приготовил для неё дверь.

— Порядок, — сказал я. — Никто не идёт, пока не поймём, что именно она считает весом.

Сенька поднял палец.

— Я предлагаю отправить первым самоуверенность Гиль-

дии. Она тяжёлая, зал сразу провалится.

Горн посмотрел на него.

— Сам бы отправил.

Сенька заморгал.

— Мастер, не отвечайте так. Я теряю опору.

— Сегодня это опасно, — буркнул Гвоздь.

Мы вошли в зал.

Медленно.

Не цепочкой.

Уже никогда не цепочкой.

Я первым поставил ногу на плиту.

Пол принял.

Сухо.

Честно.

Слишком легко.

[Физический вес: принят]

[Опорная реакция: слабая]

[Психологическая нагрузка: перераспределяется]

Я сделал второй шаг.

За мной Лиска.

Плита под ней чуть дрогнула.

Не провалилась.

Именно дрогнула, как человек, которому положили на ладонь нож и сказали: не режься.

— Держит? — спросил я.

Лиска посмотрела вниз.

— Не любит.

— Почему?

— Боится, что я не буду стоять там, где положено.

— Умный пол, — сказал Сенька.

— Завидууй.

Мишка шагнул следом.

Карта в его руках сжалась, линии на ней на миг провалились вниз, как нитки в воду.

— Неприятно, — сказал он.

— Жив? — спросила Лиска.

— Пока да.

— Тогда это у нас называется нормально.

Сенька сделал шаг и сразу замер.

— Ох.

— Что? — спросил я.

— Мой шаг ушёл куда-то и не сказал, что дошёл.

— Вниз?

— Нет. Как будто его положили в ящик.

Элиана шагнула после него.

Плита под её ногой ответила ровно.

Слишком ровно.

Она нахмурилась.

— Форма принимает меня как соответствующую.

— Это хорошо? — спросил Сенька.

— После всего, что мы видели, звучит как оскорбление.

Дарен оказался на плите, которую я не видел, как он вы-

брал.

Пол под ним почти не ответил.

— Не считает тебя? — спросил я.

— Не успел.

Хорошо.

Горн шагнул осторожно.

Под ним камень отозвался старым глухим звуком. На стене появилась слабая строка:

СТАРЫЙ ДОСТУП: ЧАСТИЧНО ПРИЗНАН.

Горн поморщился.

— Даже здесь она вспоминает.

— Не давай ей радоваться, — сказала Лиска.

Гвоздь вошёл последним.

И зал изменился.

Не зрительно.

По весу.

Я почувствовал, как пол под моими ногами стал легче.

Нет.

Не легче.

Менее обязанным меня держать.

Под Лиской плита перестала дрожать.

Под Мишкой карта разжалась.

Под Сенькой шаг будто вернулся из ящика.

А под Гвоздём камень ответил глубоко.

Слишком глубоко.

— Вот, — сказал Гвоздь.

— Что? — спросил я.

— Он меня выбрал.

На стене появилась строка:

ОПОРА ОБНАРУЖЕНА.

Потом вторая:

НЕСУЩИЙ КАНДИДАТ: ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ.

— Не нравится мне слово кандидат, — сказал Сенька.

— Тебе никакое слово не нравится, когда оно не твоё, — сказала Лиска.

Гвоздь шагнул вперёд.

Пол под нами снова стал устойчивее.

Слишком удобно.

— Стой, — сказал я.

Гвоздь остановился.

— Я держу.

— Вот поэтому не впереди.

Он повернул ко мне голову.

— Если я впереди, вам легче.

— Это я заметил.

— Тогда чего?

Я посмотрел на зал.

На идеально ровные плиты.

На тонкие колонны.

На записи, которые ждали, когда мы согласимся с удобным решением.

— Если тебе одному станет тяжело, станция сочтёт это

правильным распределением.

Гвоздь нахмурился.

— Я выдержу.

— Знаю.

— Тогда?

— Ты не балка.

Он моргнул.

— А кто?

— Узел. Балка ломается одна. Узел держит, пока связи живы.

Гвоздь долго смотрел на меня.

Потом на пол.

— Красиво говоришь.

— Сам удивлён.

— А если не выйдет?

— Тогда скажешь, что я говорил красиво, но глупо.

Сенька осторожно поднял руку.

— Я могу заранее записать.

— Не надо, — сказал Гвоздь. — Я запомню.

Мы пошли дальше.

Теперь я следил не только Контуром, но и за Гвоздём.

Плохая работа — смотреть, как сильный человек молча принимает лишнюю нагрузку. Потому что почти все вокруг приучены считать это нормой. Если человек не жалуется, значит, справляется. Если справляется, значит, можно дать ещё. Если дал ещё и он не упал — значит, правильно выбра-

ли.

Так ломают не слабых.

Слабых ломают быстро.

Сильных используют до треска, а потом удивляются, почему рухнула крыша.

На пятой плите зал начал показывать.

Не картинки.

Не видения.

Опорные проверки здесь не были театром.

Станция не рисовала перед глазами мёртвых друзей и плачущих детей. Она была тоньше.

Она показывала руки.

Гвоздевы руки.

Пустые.

Он сделал шаг — и на миг увидел перед собой, наверное, то, чего мы не видели. Я понял по его лицу.

Не страх.

Боль.

Короткую.

Злую.

Станция не показала ему смерть.

Она показала руки.

Его руки.

Пустые.

— Гвоздь, — сказал я.

— Иду.

— Что видишь?

— Ничего.

Врёт.

Плохо.

Неумело.

Честные люди часто врут хуже лжецов, потому что не уважают ремесло.

Лиска подошла ближе.

— Эй.

— Чего?

— Если увидел, как я падаю, не верь. Я падаю только когда сама решила.

Гвоздь скосил на неё глаза.

— Ты и в яму упадёшь с претензией.

— Конечно. Надо же с чем-то падать.

Сенька тихо сказал:

— Если там я молчу, тоже не верь.

Гвоздь посмотрел на него.

— Почему?

— Я молчу только если умер. А если умер, мне уже всё равно, веришь ты или нет.

— Утешил.

— Работа такая.

Мишка сказал:

— Если там карта рвётся...

Он не договорил.

Гвоздь буркнул:

— Не порвётся.

— Откуда знаешь?

— Потому что я держу.

Вот это и было плохо.

Он всё ещё принимал проверку.

Станция давала ему простую, красивую, понятную роль.

Ты держишь.

Они проходят.

Ты сильный.

Они легче.

Ты несущий.

Они сохранены.

Так думают хорошие люди перед тем, как стать фундаментом для чужой ошибки.

Элиана подошла к Гвоздю с другой стороны.

— Если вся нагрузка идёт в одну точку, даже самая сильная опора становится причиной обрушения.

Гвоздь нахмурился.

— Это ты сейчас меня обозвала слабым?

— Нет.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Несущим. Это опаснее.

Он замолчал.

Элиана добавила:

— В Академии это объясняли на мостах. Перегруженный

опорный узел не героичен. Он аварийен.

Лиска посмотрела на неё.

— Леди, ты сейчас почти по-человечески сказала.

— Не привыкай.

Сенька вздохнул.

— Мосты, узлы, аварии... У нас бригада или ремонтная артель?

— В разломе это одно и то же, — сказал я.

На стене появилась новая надпись:

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕЭФФЕКТИВНО.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ НАЗНАЧИТЬ НЕСУЩЕГО.

Горн выругался.

Тихо.

Но очень по-гильдейски.

— Оно возвращает протокол.

— Тот самый? — спросил Мишка.

— Да.

— Назначить одного?

Горн кивнул.

— А если не назначим?

— Назначит сама.

Пол под нами дрогнул.

Не весь.

Выборочно.

Под Лиской стал легче.

Под Мишкой — легче.

Под Сенькой — почти невесомо.

Под Элианой — слишком ровно.

Подо мной Контур показал перераспределение.

Все линии веса поползли к Гвоздю.

— Назад! — сказал я.

Поздно.

На стене вспыхнуло:

ОПОРА ОПРЕДЕЛЕНА.

НЕСУЩИЙ ВЫБРАН.

ПРОЧИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОСВОБОЖДЕНЫ.

Гвоздь резко просел.

Не упал.

Просел.

Колено согнулось, но он удержался. Плита под ним стала тёмной, будто камень намок изнутри. Его сапоги на ширину пальца вошли в пол.

— Не трогать! — рявкнул он. — Идите!

— Не приказ, — сказал я.

Он оскалился.

— Я держу!

— Ты тонешь.

— Значит, держу глубже.

Вот за это я его уважал.

И за это же хотел ударить.

Сильный человек, который не умеет вовремя перестать быть сильным, — находка для любой плохой системы.

Станция давила.

Не сверху.

Снизу.

Камень принимал Гвоздя как фундамент. Не убивал сразу. Делал хуже: превращал в полезную часть конструкции.

[Несущий узел: фиксируется]

[Перераспределение веса: 63%]

[Остальные элементы: облегчены]

[Риск утраты узла: высокий]

[Рекомендация: покинуть зал]

Я стиснул зубы.

— Опять ты, — сказал я Контуром или себе. — Со своими рекомендациями.

[Рекомендация: покинуть зал]

— Нет.

Станция, кажется, услышала.

На стене:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТУР ОТКЛОНЯЕТ РАЦИОНАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ.

Лиска посмотрела на надпись.

— Умная стена. Быстро поняла, что ты у нас проблемный.

— Гвоздь! — сказал я.

— Идите!

— Молчи и слушай.

— Я не Сенька.

— Вот и хорошо. Сенька уже насвистел своё.

Сенька поднял палец.

— Я могу ещё.

— Не сейчас.

Сила подошёл к Гвоздю настолько близко, насколько позволял пол. Лицо у него стало напряжённым.

— Это не твоя вина.

Гвоздь тяжело дышал.

— А чья?

— Наша тяжесть. Значит, наша.

— Я могу держать.

— Можешь, — сказал Сила. — Поэтому тебя и ловят.

Гвоздь хотел ответить.

Не успел.

Пол под ним потемнел ещё сильнее. Камень поднялся во-круг сапог, как жидкая порода, но без жидкости. Сухой камень принимал форму оков.

Гвоздь стиснул зубы.

Ни звука.

Это было хуже крика.

— Макар, — сказала Элиана. — Если станция завершит фиксацию, он станет частью опорного контура.

— По-русски.

— Она сделает из него колонну.

Сенька тихо сказал:

— Живую?

Элиана не ответила.

Потому что ответ был на стене.

НЕСУЩИЙ ВЫБРАН.

ФИКСАЦИЯ: ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Лиска вытащила кинжалы.

— Я ей сейчас фиксацию...

— Нет! — сказал я.

Она замерла.

— Почему?

— Это не связь страха. Не режь. Перережешь — сбросит вес в него сразу.

Лиска выругалась.

Правильно.

Я тоже хотел.

Горн смотрел на надписи как на приговор, который сам когда-то подписал.

— В старом протоколе после выбора несущего группа должна была покинуть зону.

— А несущий? — спросил Мишка.

Горн не ответил.

— Горн, — сказал я.

Он сжал знак.

— Если проверка была учебной, его снимали после завершения.

— А если нет?

Горн закрыл глаза.

— Тогда в журнале писали: «Опора выполнила функ-

цию».

Гвоздь хрипло засмеялся.

— Красиво.

— Нет, — сказал Горн. — Мерзко.

Он поднял знак Гильдии.

— Протокол требовал назначить несущего. Но он не требовал оставлять его.

Стена вспыхнула:

**СТАРЫЙ ДОСТУП: НЕ УПОЛНОМОЧЕН ИЗМЕНЯТЬ
ПРОВЕРКУ.**

Горн посмотрел на неё.

— Я не меняю. Я признаю ошибку.

Надпись дрогнула.

Хорошо.

Признание ошибки этой станции нравилось почти так же, как честному чиновнику пожар в архиве.

— Всем взять свой вес обратно, — сказал я.

Сенька моргнул.

— Я бы рад, но где он?

Гвоздь сквозь зубы:

— Подо мной, дурень.

— Очень конкретно. Неприятно, но конкретно.

— Макар, — сказала Элиана. — Нужна схема распределения.

— Будет.

Я смотрел Контуром.

Не на зал.

На нас.

Тонкие линии веса шли от каждого к Гвоздю. У Лиски — страх и злость, острые, как проволока. У Мишки — карта, свернувшаяся комом. У Сеньки — недосказанные слова и чужая тишина в горле. У Дарена — отсутствие пути. У Силы — чужая паника, которую он всё время снимал с других. У Горна — старая вина. У Элианы — форма, которая привыкла держать себя слишком правильно. У меня — решение, которое опять слишком удобно хотело стать единоличным.

Вот оно.

Мы все стали лёгкими за его счёт.

Не хотели.

Но стали.

Станции не нужно было создавать новую ложь.

Ей хватило усилить старую человеческую привычку.

— Лиска, — сказал я. — Забери свой страх.

— Он при мне.

— Нет. Тот, который скинула на него.

Она резко посмотрела на меня.

— Я не...

— Не специально.

Её лицо изменилось.

Я видел, как ей захотелось огрызнуться.

Потом она посмотрела на Гвоздя.

На его ноги, уходящие в камень.

И не огрызнулась.

Редкий случай.

— Как? — спросила она.

— Ступай туда, где страшно стоять самой.

Лиска усмехнулась.

— Родная работа.

Она шагнула на плиту, которая дрожала сильнее остальных.

Пол под ней сразу попытался отдать дрожь Гвоздю.

— Нет, — сказала Лиска.

Тихо.

Зло.

— Это моё.

Её колени дрогнули.

Но она не отступила.

На Контуре одна линия от Гвоздя к Лиске стала тоньше.

— Мишка.

— Я понял!

Он опустился на колени и прижал карту к полу.

— Карта не хочет.

— А ты?

— Я тоже не хочу!

— Значит, вы договорились.

Он зажмурился.

— Дурацкий подход.

— Работает?

— Сейчас узнаем.

Карта дрогнула. На ней наконец появился пол. Не весь. Кусками. Местами, где Мишка согласился признать: если он упадёт, это будет его падение, а не Гвоздево.

Линия стала тоньше.

— Сенька.

— Да-да. Мой шум — мой.

— Не шум. Вес слова.

— О, нет. Слова у меня тяжёлые?

— Некоторые.

— Я подозревал.

Он сделал шаг на плиту и перестал шутить.

На миг.

Потом тихо сказал:

— Это моя тишина.

Пол под ним глухо принял.

Он вздрогнул.

— Неприятно.

— Жив?

— Очень.

Ещё линия ослабла.

— Сила.

Сила кивнул.

— Я отделию вину от ответственности. Но это больно.

— Кому?

Он посмотрел на Гвоздя.

— Всем.

— Делай.

Сила поднял руки.

Воздух в зале стал плотнее.

Не магией в обычном смысле.

А человеческой правдой, от которой обычно все стараются отвернуться.

— Ответственность — это то, что берут, чтобы действовать, — сказал Сила тихо. — Вина — то, что носят, чтобы не двигаться.

Гвоздь задышал тяжелее.

Лиска зажмурилась.

Горн опустил голову.

Элиана сжала губы.

Я почувствовал, как у меня внутри что-то неприятно отзывается.

Да.

Больно всем.

Сила продолжил:

— Мы отвечаем друг за друга. Но не один вместо всех.

Пол под Гвоздём хрустнул.

Не ломаясь.

Сопrotивляясь.

— Горн.

Горн поднял знак.

— Старый протокол отклонён.

Стена вспыхнула:

ПРОТОКОЛ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТКЛОНЁН В ХОДЕ
ПРОВЕРКИ.

Горн сказал:

— Может. Если проверка признана ошибочной.

Стена дрогнула.

— На основании чего? — спросила Элиана тихо, будто
сама стала частью спора с протоколом.

Горн посмотрел на Гвоздя.

— На основании живого несущего.

Перо где-то за стеной заскребло яростно.

СТАРЫЙ ДОСТУП: ПРОСРОЧЕН.

Горн усмехнулся.

— Зато вина свежая.

И ударил знаком по полу.

Не командой.

Не печатью.

Свидетельством.

Ещё одна линия ослабла.

— Элиана.

Она уже работала.

Перед ней в воздухе формировалась решётка порядка.

Не колонна.

Не круг.

Решётка.

Неполная.

Связная.

Очень красивая и очень неправильная с точки зрения тех, кто любит одну идеальную опору.

— Если замкну, станция примет как новый протокол, — сказала она.

— Не замыкай.

— Если не замкну, она может распасться.

— Добро пожаловать в нашу жизнь.

Лиска хрипло сказала:

— Леди, держи криво.

— Ваше влияние на мою профессиональную лексику становится тревожным.

— Спасибо.

Элиана почти улыбнулась.

И удержала форму незамкнутой.

Решётка легла не на пол.

Между нами.

Контур показал новые связи.

Не все к Гвоздю.

Между всеми.

— Дарен.

Он стоял у края зала.

Там, где, по карте, не было ничего.

— Нашёл.

— Что?

— Место, где пол не умеет выбрать одного.

— Веди.

— Оно под нами.

— Конечно.

Дарен сделал шаг.

Не в сторону.

Не вперёд.

Внутри нашего строя.

Он поставил ногу туда, где пересекались линии веса.

И исчез из расчёта станции.

Не физически.

Станция просто не смогла решить, к кому его отнести.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ: НЕ ПРИМЕНИМО.

— Вот, — сказал Дарен.

— Что вот? — спросил Сенька, тяжело дыша.

— Бок.

— Ты стоишь посреди нас!

— Именно.

Я понял.

Боковой ход здесь был не в стене.

Он был в отказе назначить край.

Если нет одного несущего, нет и главного маршрута веса.

— Гвоздь! — сказал я.

Он стоял почти по колено в камне.

Лицо мокрое от пота.

Зубы стиснуты.

— Что?

— Отпускай.

Он посмотрел на меня так, будто я сказал ему бросить ре-
бёнка в воду.

— Не могу.

— Можешь.

— Они упадут.

— Нет.

— Я чувствую!

— Ты чувствуешь то, что станция хочет, чтобы ты чув-
ствовал.

Гвоздь зарычал.

— Я держу!

— Ты тонешь.

Он молчал.

Я подошёл ближе.

Пол подо мной попытался стать легче.

Я заставил себя принять вес обратно.

Не физически.

Решением.

Мои ноги стали тяжёлыми.

Очень.

Я почувствовал собственную ответственность не как кра-
сивую мысль, а как мешок мокрого песка на плечах.

Прекрасно.

Ненавижу воспитательные моменты.

— Гвоздь, — сказал я. — Слушай.

— Некогда.

— Некогда будет, когда станешь колонной.

Он поднял глаза.

— Если отпущу...

— Мы возьмём.

— А если не возьмёте?

— Тогда упадём своими ногами.

Лиска сказала:

— Я свои ноги никому не отдаю.

Сенька добавил:

— Особенно Гвоздю. Он тяжёлый, испортит.

Мишка:

— Карта уже рисует наши падения отдельно.

Элиана:

— Решётка держит распределение. Недолго.

Сила:

— Вина отделена. Ответственность общая.

Горн:

— Протокол несущего не подтверждён.

Дарен:

— Бок внутри узла открыт.

Гвоздь слушал.

Не ушами.

Весом.

Я видел, как в нём что-то сопротивляется. Не станция. Он сам.

Тяжелее всего отпустить не груз.

Тяжелее всего отпустить мысль, что если не ты, то никто.

— Гвоздь, — сказал я. — Ты не бросаешь.

Он молчал.

— Ты распределяешь.

На стене вспыхнуло:

НЕСУЩИЙ ДОЛЖЕН СОХРАНИТЬ НАГРУЗКУ.

Гвоздь посмотрел на надпись.

Потом медленно сказал:

— Должен?

Пол вздрогнул.

— Я никому ничего не должен, — сказал он. — Кроме

своих.

Сенька прошептал:

— Хорошо сказал.

Лиска:

— Главное, не испорти продолжением.

Гвоздь закрыл глаза.

И отпустил.

Не всё.

Сразу всё нельзя.

Он отпустил первый кусок.

Лиска просела на колено, но удержалась.

Мишка вскрикнул, карта вспыхнула чернилами.

Сенька выругался и схватился за стену.

Элиана пошатнулась, но решётка выдержала.

Горн опустил на одно колено.

Сила задышал тяжело.

Дарен на миг стал видимым сразу в двух местах, потом снова собрался в одном.

Я почувствовал, как в грудь вдавило чужой и свой вес одновременно.

Хорошо.

Живо.

— Ещё, — сказал я.

Гвоздь открыл один глаз.

— Сволочь ты, Макар.

— Знаю.

— Командирская.

— Работа такая.

Он отпустил ещё.

Пол под нами загудел.

Не провалился.

Загудел.

Как мост, который впервые понял, что нагрузка идёт не туда, куда его учили, но всё ещё может быть выдержана.

На стене надписи начали путаться.

НЕСУЩИЙ ВЫБРАН.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ...

ОШИБКА.

ГРУППА СОХРАНЯЕТ...

НЕСУЩИЙ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

ОПОРА...

ОПОРЫ...

Станция впервые написала множественное число.

ОПОРЫ.

Элиана увидела и выдохнула:

— Она не знает, как считать несколько несущих.

— Пусть учится, — сказала Лиска.

Гвоздь отпустил последний кусок.

Камень вокруг его ног треснул.

Не вниз.

В стороны.

Как будто пол не выплёвывал его, а признавал: один фундамент не получился.

Гвоздь рухнул на колени.

Не потому что слабый.

Потому что наконец перестал быть колонной.

Мы все одновременно просели, кто как.

Лиска упала на ладонь и тут же вскочила, будто пол её оскорбил.

Мишка сел прямо на карту и заорал, что это не специально.

Сенька лёг на спину.

— Я взял свой вес обратно. Не нравится. Можно обменять?

Гвоздь, стоя на коленях, хрипло сказал:

— Нет.

— Жадный.

Гвоздь медленно поднял голову.

— Теперь я чувствую, когда кто-то несёт не своё.

Сенька замер.

— Тогда ко мне не смотри.

Гвоздь посмотрел.

— Поздно.

Сенька закрыл глаза.

— Я погиб.

Лиска подошла к Гвоздю и протянула руку.

Он посмотрел на неё.

— Сам встану.

— Знаю.

— Тогда чего?

— Проверяю, не стал ли ты совсем умным.

Он фыркнул.

Взял её руку.

И встал.

Тяжело.

Но сам.

Я смотрел Контуром.

[Внешний узел: Гвоздь]

[Навык опорного восприятия: углублён]

[Обнаружено новое свойство: распределение веса]

[Совместимость с Контуром: повышена]

[Предупреждение: перегрузка суставов и связок]

Конечно.

Разломы не лечат.

Они учат так, что потом болит.

— Ноги? — спросил я.

Гвоздь пошевелил ступнями.

— Мои.

— Колени?

— Старые.

— Камень?

Он посмотрел вниз.

Пол под ним больше не был тёмным.

На плитах остались следы сапог — углублённые, глубокие, но уже не растущие.

— Отпустил.

— А ты?

Гвоздь помолчал.

— Не всё.

Хороший ответ.

Честный.

Я кивнул.

Мы пошли к выходу из зала.

Не сразу.

Сначала каждый сделал по одному шагу и убедился, что шаг принадлежит ему.

Это важно.

После таких мест нельзя сразу бежать. Можно вынести из

разлома чужой страх, чужой голос, чужую вину, чужой вес.
А потом удивляться, почему дома, за чашкой воды, вдруг не
можешь подняться со стула.

У выхода стена снова начала писать.

Перо скребло устало.

Или мне так хотелось думать.

ОПОРА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ПРОТОКО-
ЛУ.

ГРУППА СОХРАНИЛА ВЕС.

Сенька посмотрел на надпись.

— Мне кажется, она недовольна.

Лиска усмехнулась.

— Значит, день не зря.

Горн долго смотрел на строку про протокол.

— В старой Гильдии за такое провалили бы всю группу.

— За что? — спросил Мишка.

— За отказ назначить несущего.

Гвоздь посмотрел на него.

— И правильно провалили бы.

Все замерли.

Даже Сенька приподнялся.

Гвоздь продолжил:

— Только не группу. Гильдию.

Горн медленно кивнул.

— Да.

Это было короткое слово.

Но для Горна оно весило почти столько же, сколько весь этот проклятый зал.

Мы вышли из проверки опоры.

Коридор за ней был узкий.

Неровный.

С трещинами.

С пылью.

С неправильными тенями.

Я почти обрадовался.

После идеальных учебных залов обычная кривизна казалась родной.

Дарен вдруг остановился.

Не резко.

Просто перестал быть там, где я его видел.

— Что? — спросил я.

Он смотрел на три одинаковые двери впереди.

Три.

Абсолютно одинаковые.

Одинаковые знаки.

Одинаковые щели.

Одинаковая пыль у порога.

Даже тени от них лежали одинаково.

Слишком одинаково.

— Здесь нет бокового хода, — сказал Дарен.

Сенька устало сел прямо на пол.

— И это плохо?

Дарен впервые за долгое время ответил сразу:

— Нет.

Он посмотрел на стены.

— Это невозможно.

На камне над средней дверью проступила новая строка:

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — УСТРАНИТЬ.

Дарен поднял глаза.

И улыбнулся.

Едва.

Почти незаметно.

Но я увидел.

— Попробуй, — сказал он.

Глава 2. Боковой ход

Три двери стояли перед нами.

Одинаковые.

Настолько одинаковые, что даже пыль у порогов казалась вымеренной циркулем.

После всего, что мы прошли, я уже знал:

если место слишком честно предлагает выбор, значит, выбора там нет.

Двери были каменные. Тяжёлые. С одинаковыми гильдейскими знаками над притоками. С одинаковыми вертикальными швами. С одинаковыми серыми следами у порогов, будто к каждой когда-то подходили одинаковые люди, с одинаковой надеждой и одинаковой глупостью.

Слева дверь.

В центре дверь.

Справа дверь.

Три выхода.

И ни одного пути.

Дарен стоял перед ними и смотрел так, как другие смотрят на мёртвого знакомого.

Не с ужасом.

С узнаванием.

— Здесь нет бокового хода, — сказал он.

Сенька устало опустил на корточки, потом передумал и

сел прямо на пол.

— И это плохо?

Дарен впервые за долгое время ответил сразу:

— Нет. Это невозможно.

На стене над средней дверью проступила строка:

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — УСТРАНИТЬ.

Дарен поднял глаза.

И улыбнулся.

Едва.

Почти незаметно.

Но я увидел.

— Попробуй, — сказал он.

После Гвоздевого зала все мы шли тяжелее.

Не телом.

Телом — тоже. Но тело привыкло. Усталость в ногах, боль в спине, сухость во рту, кровь под ногтями — это всё понятно. Неприятно, но понятно.

Хуже было другое.

Мы начали чувствовать, что станция не просто ставит испытания.

Она выбирает, чем человек привык спасаться, и делает из этого ловушку.

Лиска спасалась страхом — станция сделала страх маршрутом.

Мишка спасался картой — станция попыталась превратить карту в журнал.

Сенька спасался словами — станция сделала голос дверью.

Гвоздь спасался силой — станция назначила его несущим. Теперь она смотрела на Дарена.

На человека, который редко был там, где его ждали.

Плохой выбор для станции.

Или очень хороший.

Я поднял кулак.

Бригада замерла.

Даже Сенька, который сидел на полу, замер так выразительно, будто это тоже было движение.

Перед нами было слишком много правильности.

Три двери. Три варианта. Три символа. Три тени под прилоками. Три одинаковых небольших скопления пыли. Три одинаковых следа старых подошв.

Если бы я был глупее, сказал бы: выбираем среднюю.

Если бы был умнее, сказал бы: выбираем не среднюю.

К счастью, после девяноста четырёх глав я уже иногда умел не говорить первое, что кажется умным.

Контур развернулся перед глазами тонкими линиями.

[Контур: активен]

[Объект: узел выбора]

[Количество входов: 3]

[Количество решений: 1]

[Боковое отклонение: заблокировано]

[Риск: принудительное согласие]

Я медленно выдохнул.

Три входа.

Одно решение.

Очень гильдейски.

Очень мерзко.

— Это не выбор, — сказал Дарен.

Сенька поднял голову.

— А что?

— Три способа согласиться.

Лиска хмыкнула.

— Станция стала вежливее. Раньше хотя бы сразу пыталась убить.

— Вежливое место опаснее грубого, — сказал Сила. — Грубое говорит: бойся. Вежливое говорит: выбирай.

— А потом?

— Потом считает, что ты сам виноват.

Горн стоял у стены и смотрел на гильдейские знаки над дверями. Лицо у него было тяжёлое. После зала опоры он вообще как будто постарел ещё на один старый протокол.

— Это проверка выбора маршрута, — сказал он.

— Конечно, — сказал Сенька. — А я думал, это три двери для красоты.

Горн не отреагировал.

— Ученика ставили перед несколькими проходами. Нужно было быстро оценить признаки, выбрать направление и вести группу.

— Быстро? — спросила Лиска.

— Да.

— И что пошло не так?

Горн посмотрел на три одинаковые двери.

— Мы забыли учить спрашивать, кто предложил варианты.

Хорошо.

Очень хорошо.

Слишком поздно, конечно.

Но хорошо.

Мишка развернул карту.

Она дрожала.

После прошлых проверок карта уже не была просто картой. Она стала похожа на живую кожу, на которой мир оставлял синяки. Чернила двигались осторожно, линии не хотели ложиться туда, где станция слишком настойчиво предлагала маршрут.

— Три линии, — сказал Мишка.

— Разные? — спросил я.

— Пока смотришь отдельно — да.

Он повернул карту под другим углом.

Линии медленно сдвинулись.

Сошлись.

И исчезли в одной и той же тёмной точке.

Мишка сглотнул.

— А вместе это одна пасть.

— Не люблю пасти с выбором, — сказал Сенька.

— Ты вообще пасти не любишь, — сказала Лиска.

— Я практичный.

Сенька наклонил голову к первой двери.

Потом ко второй.

Потом к третьей.

Его лицо стало ещё более недовольным.

— Три звука.

— И? — спросил Гвоздь.

— Один замок.

— Объясни, — сказал я.

Сенька показал на левую дверь.

— Там шаги. Как будто кто-то ходит по камню.

Потом на среднюю.

— Там вода. Тихо капает.

Потом на правую.

— Там голоса. Далеко.

— А замок?

Он поморщился.

— В конце у всех один щелчок. Не звуком. Намерением.

Как будто чем бы ты ни заинтересовался, в итоге одно и то же закрывается за спиной.

Гвоздь подошёл к каждой двери по очереди и поставил ногу перед порогом.

Один раз.

Второй.

Третий.

Потом вернулся.

— Пол слишком одинаково держит.

Элиана посмотрела на него.

— Это плохо?

— Живой пол так не умеет.

— Пол не живой.

Гвоздь хмуро посмотрел на неё.

— После того, что мы прошли, ты в этом уверена?

Элиана помолчала.

— Нет.

Хороший прогресс.

Лиска стояла чуть левее, пальцы возле кинжалов, но не на рукоятях. Она уже научилась не хвататься за нож просто потому, что мир стал неприятным. Иногда это только радовало мир.

— Нас не пугают, — сказала она.

— А что делают? — спросил Сила.

Она прищурилась.

— Торопят испугаться правильно.

Сила кивнул.

— Это не паника.

— А что?

— Вежливая клетка. Она ждёт, чтобы мы сами выбрали решётку.

Элиана смотрела на три двери, и на лице у неё было то осо-

бенное выражение, когда маг порядка видит слишком хороший порядок и понимает, что порядочность тут ни при чём.

— Форма слишком закончена, — сказала она.

Сенька застонал.

— Опять плохо?

— Когда выбор закончен до решения, это уже не выбор.

Лиска посмотрела на неё с уважением, которое попыталась спрятать под насмешкой.

— Леди, ты сегодня прямо опасно понятная.

— Это временно.

— Надеюсь. А то привыкнем.

Дарен молчал.

Он не смотрел на двери.

Это было самым важным.

Все смотрели. Даже я. Даже когда понимал, что посмотреть надо не туда, глаза всё равно цеплялись за три одинаковых выхода. Станция умела ставить вопрос так, чтобы человек уже был внутри ответа.

Дарен смотрел в промежуток между дверями.

Не на стену.

Не на швы.

Не на пыль.

В промежуток.

Туда, где ничего не было.

— Не ищите правильную дверь, — сказал он.

— Почему? — спросил Мишка.

— Потому что станция очень старалась сделать все двери дверями.

Сенька поднял палец.

— Я хотел бы понять, но боюсь, что тогда стану как ты.

— Не станешь.

— Почему?

— Ты слишком громкий.

— Справедливо.

Я сделал шаг к Дарену.

— Что не так?

— Всё.

— Это не ответ.

— Для станции — ответ.

Он наконец посмотрел на меня.

Прямо.

Редко.

Дарен вообще смотрел прямо только тогда, когда обходной путь заканчивался и оставалась одна неприятная честность.

— Если есть три двери, должен быть отказ от дверей.

— Его нет?

— Его убрали.

— Как?

Дарен снова посмотрел на стены.

— Не закрыли. Убрали из вопроса.

Вот это было важно.

Контур подтвердил.

[Узел выбора: завершён до принятия решения]

[Варианты: навязаны]

[Отклонение: не предусмотрено]

[Поиск обхода: провоцирует ложные обходы]

Ложные обходы.

Я не успел сказать.

Станция уже начала.

Слева от первой двери тихо раскрылась узкая тень. Как щель. Тонкая. Неприметная. Почти идеальная для человека вроде Дарена.

Сенька тут же сказал:

— О! Вот же бок.

Дарен даже не повернул головы.

— Нет.

Вторая щель появилась между колонной и стеной. Её раньше не было. Теперь была. На карте Мишки тонкая линия дрогнула и попыталась туда потянуться.

— А это? — спросил Мишка.

— Нет.

У третьей двери одна каменная плита у порога чуть сдвинулась, открывая тёмный зазор.

Лиска прищурилась.

— Удобно.

— Поэтому нет, — сказал Дарен.

Элиана подняла руку, и перед ней возникла тонкая непол-

ная форма.

— Одна из ниш имеет признаки служебного прохода.
Дарен покачал головой.

— Она слишком хочет, чтобы я её нашёл.

Сенька посмотрел на него.

— Ты сейчас про нишу или про Лиску?

Лиска медленно повернула голову.

— Сенька.

— Молчу. Но если что, я умер смешно.

Дарен подошёл к первой щели.

Не близко.

Так, чтобы она думала, что он заинтересован.

Щель стала чуть шире.

Он остановился.

— Видите?

Гвоздь кивнул.

— Раскрывается.

— Правильный боковой ход не раскрывается навстречу.

Он не знает, что ты придёшь.

На стене появилась строка:

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ: ОБНАРУЖЕНО.

Дарен посмотрел на неё почти с жалостью.

— Нет.

Строка дрогнула.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ: ОБНАРУЖЕНО.

— Нет, — повторил он.

Щель закрылась.

Не хлопнула.

Стыдливо исчезла.

Лиска тихо сказала:

— Обиженная дырка. Первый раз вижу.

— В этой станции всё обидчивое, — сказал Сенька. —

Даже протоколы.

Но станция на этом не остановилась.

Она стала умнее.

Что хуже.

Следующий ложный боковой ход появился не для Дарена.

Для нас.

Мишкина карта вдруг выдала тонкую белую линию, обходящую три двери слева. Линия выглядела правильно. Не слишком явно. Не слишком красиво. Как раз настолько, чтобы поверить.

Мишка оживился.

— Есть.

Дарен сказал:

— Нет.

Мишка нахмурился.

— Но карта...

— Нет.

Сенька наклонил голову.

— Я слышу там пустой проход.

— Нет, — сказал Дарен.

Гвоздь поставил ногу ближе к левой стене.

— Пол держит.

— Нет.

Лиска поморщилась.

— Страх туда не тянет.

— Нет.

Сила прикрыл глаза.

— Паники нет.

— Нет.

Элиана посмотрела на линию формы.

— Неполная структура допускает проход.

— Нет.

Горн медленно сказал:

— Это может быть старый служебный коридор.

Дарен повернул голову к нему.

— Нет.

Сенька не выдержал.

— Да тут все говорят, что есть!

Дарен посмотрел на него.

— Поэтому нет.

Тишина стала острой.

Вот оно.

Станция не просто показала фальшивый боковой ход.

Она дала подтверждения всем.

Кусочек каждому.

Карту — Мишке.

Звук — Сеньке.

Опору — Гвоздю.

Отсутствие страха — Лиске.

Отсутствие паники — Силе.

Форму — Элиане.

Старый признак — Горну.

Только Дарен говорил «нет».

И теперь вопрос был уже не о проходе.

А о доверии.

Очень удобный способ сломать узел: сделать так, чтобы все части увидели одно, а человек, чей дар нужен именно сейчас, остался один против всех.

Я посмотрел на Дарена.

Он стоял спокойно.

Слишком спокойно.

Но я уже научился: Дарен спокоен не потому, что не боится. Дарен спокоен, потому что страх у него тоже ходит боком и редко попадает на глаза.

— Почему нет? — спросил я.

Сенька выдохнул.

— Наконец-то.

Дарен ответил не сразу.

— Потому что проход хочет быть подтверждённым.

— И?

— Настоящий бок не просит всех согласиться.

Хорошо.

Я кивнул.

— Верим Дарену.

Мишка открыл рот.

Закрыл.

Глянул на карту.

— Но...

— Карта тоже может получить взятку, — сказала Лиска.

— Моя карта не берёт взятки!

— Она просто молодая.

Мишка обиделся.

Но линию на карте всё-таки прижал пальцем, не давая ей расти.

Элиана посмотрела на меня.

— Вы идёте против совокупности признаков.

— Нет.

— Тогда что?

— Я выбираю ключевой признак.

— То есть?

Я посмотрел на Дарена.

— Сегодня главный не тот, кто видит больше.

Сенька спросил:

— А кто?

— Тот, кто видит, что видеть нельзя.

Дарен ничего не сказал.

Но его плечи едва заметно расслабились.

Станция это увидела.

Конечно.

На стене проступила новая строка:

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — ВЫВЕСТИ В ЦЕНТР.

И свет изменился.

Не сильно.

Но все тени повернулись к Дарену.

Не напали.

Не приблизились.

Просто указали.

Вот он.

Смотрите.

Тот, кто должен быть сбоку, теперь в центре.

Очень точный удар.

Дарен не любил центр.

Не потому что трус.

Труссы любят толпу, если в ней можно спрятаться.

Дарен любил край не из страха.

Из знания.

Всё, что видят слишком ясно, рано или поздно используют.

На него посмотрели все.

Не потому что хотели.

Потому что станция заставила момент стать таким.

И я увидел, как Дарену стало плохо.

Не телом.

Положением.

Человеку вроде него больно быть вопросом, на который все ждут ответа.

— Дарен, — сказал я.

Он не поднял глаз.

— Я не вижу хода.

— Хорошо.

Он всё-таки посмотрел на меня.

— Это плохо.

— Нет. Значит, перестань искать ход.

Сенька тихо сказал:

— Я сейчас ничего не понял, но звучит опасно умно.

Дарен спросил:

— А что искать?

— Место, где станция уверена, что ты искать не станешь.

Он молчал.

Смотрел.

Не на двери.

Не на стены.

Не на щели.

Внутри вопроса.

Станция давила.

Три двери стояли как три правильных ответа.

Ложный боковой ход ждал подтверждения.

Стена писала:

ВЫБОР ОБЯЗАТЕЛЕН.

ОТКАЗ ОТ ВЫБОРА — ОШИБКА.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ УСТРАНЕНО.

Лиска тихо сказала:

— Не люблю, когда меня торопят.

— Тебя все не любят торопить, — сказал Сенька. — Опасно для пальцев.

Горн смотрел на надписи.

— В старой проверке отказ от выбора считался провалом.

— А если варианты плохие? — спросил Мишка.

Горн усмехнулся.

— В протоколе не было пункта «мастер предложил дурь».

— Удобно, — сказала Лиска.

— Да, — сказал Горн. — Гильдия любила удобные места в правилах.

Элиана изучала три двери.

— Форма трёхчастная, замкнутая. Каждый отказ усиливает давление.

— Значит, надо выбрать? — спросил Сенька.

— Нет.

— Спасибо, леди. Я почти испугался, что ты стала простой.

Дарен вдруг закрыл глаза.

Все замолчали.

Даже станция.

На миг.

Нет.

Не замолчала.

Задержала перо.

Вот что я услышал через Сенькино новое лицо: станция ждала, куда Дарен поведёт нас внутри её вопроса.

Дарен медленно сказал:

— Бок не там, где можно уйти.

— А где? — спросил Сенька.

— Там, где можно не согласиться с вопросом.

Стена дрогнула.

Слова «ОТКАЗ ОТ ВЫБОРА — ОШИБКА» начали проявляться ярче.

Дарен открыл глаза.

И сделал шаг назад.

Сенька поднял голову.

— Назад?

Дарен не ответил.

Он сделал ещё шаг.

Не к двери.

Не к щели.

Не к фальшивому проходу.

Назад.

В сторону коридора, из которого мы пришли после зала опоры.

Станция не поняла сразу.

Это было видно по тому, как надписи на стене мигнули, будто писец на мгновение забыл слово.

Я понял.

И почти улыбнулся.

Станция закрыла стены.

Закрыла двери.

Закрыла тени.

Но она не закрыла паузу.

Потому что старые протоколы всегда презирали паузу между приказом и выполнением.

А ещё они презирали возвращение.

Для протокола проверка была пройдена — значит, закрыта.

Для живого человека пройденное место не исчезает. Оно остаётся за спиной. А иногда именно там станция перестаёт смотреть.

— Назад, — сказал я.

Сенька уставился на меня.

— Я всё правильно расслышал? Мы героически отступаем?

— Нет. Мы идём туда, где станция перестала смотреть.

— Звучит как отступление, но с гордым лицом.

— Значит, тебе подойдёт.

Гвоздь уже проверял пол позади нас.

— Держит.

— Честно?

— Удивлённо.

Лиска смотрела на три двери.

— Страх злится.

— Почему?

— Ему предложили три приличных выхода, а мы ведём себя как нищие у заднего двора.

— Родная работа, — сказал Мишка.

Лиска глянула на него.

— Растёшь.

Мишка посмотрел в карту.

Линии трёх дверей тянулись вперёд, сливались в одну пасть. Ложный боковой путь белел слева. А позади нас — там, откуда мы пришли, — появилась тонкая незавершённая линия.

Не проход.

Не маршрут.

След решения, которое станция уже сочла завершённым.

— Там что-то есть, — прошептал он.

— Было, — сказал Дарен. — Поэтому есть.

— Это как?

— Если место однажды держало нас живыми, оно не совсем закрыто.

Горн медленно произнёс:

— В Гильдии нас учили: назад — значит провал.

— А теперь? — спросил я.

Он посмотрел на Дарена.

— Теперь я начинаю думать, что иногда назад — единственное место, где ещё осталась свобода.

Элиана подняла неполную форму.

— Я могу удержать незавершённость предыдущей проверки. Недолго.

Сенька простонал:

— У нас всё недолго. Когда-нибудь мы найдём место, где что-нибудь можно долго?

Лиска сказала:

— Кладбище.

— Не хочу.

— Тогда двигайся.

Стены перед нами зашевелились надписями.

ВЫБОР ОБЯЗАТЕЛЕН.

ОТКАЗ ОТ ВЫБОРА — ОШИБКА.

МАРШРУТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОДТВЕРЖДЁН.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ УСТРАНЕНО.

Дарен шёл назад.

Не спиной.

Он повернулся и пошёл первым в сторону, откуда мы пришли.

Очень спокойно.

В этом был весь Дарен.

Другой человек сделал бы из такого момента подвиг.

Дарен просто перестал соглашаться.

Станция наконец поняла.

Три двери раскрылись одновременно.

Левая — в темноту со старыми шагами.

Средняя — в серый проход, где капала вода.

Правая — в зал голосов, которые звали по именам.

За каждой было что-то похожее на спасение.

И каждая сразу стала ближе.

Не физически.

Решением.

Варианты пытались догнать нас.

— Быстрее? — спросил Мишка.

— Нет, — сказал Дарен.

— Почему?

— Если побежим, это станет бегством.

Лиска кивнула.

— А бегство они умеют считать.

— Значит, идём, — сказал я. — Не спеша. Не выбирая.

Не оборачиваясь на то, что нас зовёт.

Сенька поднял руку.

— А если оно скажет что-нибудь интересное?

— Тогда особенно не оборачивайся.

— Моя жизнь стала беднее после вашей бригады.

— Зато длиннее, — сказала Лиска.

— Пока спорно.

Мы пошли назад.

У каждого была работа.

Гвоздь держал вес, чтобы пол не решил: отступление — это падение.

— Держит? — спросил я.

— Пока мы не стыдимся.

— Что?

— Пол реагирует на стыд. Если кто-то решит, что мы отступаем потому, что слабы, он провалит шаг.

Сила кивнул.

— Я отделию стыд от решения.

— Это можно? — спросил Сенька.

— Можно попытаться.

— У тебя всё звучит как начало плохого лечения.

Сила не ответил.

Он шёл рядом, мягко отводя от нас липкое чувство позора.

Станция пыталась внушить простую вещь: назад идут проигравшие.

Сила разрезал это.

Не назад.

В сторону от навязанного.

Лиска держала страх.

— Он хочет дёрнуться, — сказала она.

— Куда? — спросил я.

— К любой двери. Ему всё равно, лишь бы выбрать.

— Держи.

— Держу. Но страх сегодня воспитанный. Противно.

Сенька слушал.

— Двери шепчут разное, но заканчивают одинаково.

— Тем же щелчком?

— Да.

— Если щёлкнет?

— Тогда какая-то дверь решит, что мы её выбрали.

— Не дай.

— А я как?

— Шуми неответом.

Сенька поморщился.

— Я теперь официально инструмент странных звуков?

— Да.

— Повысили.

Он тихо щёлкнул языком.

Не как в прошлой проверке.

Осторожнее.

Щелчок не был ответом. Он был помехой. Маленьким камешком в зубах у большого механизма.

Мишка держал карту двумя руками.

— Линия назад тонкая.

— Рвётся?

— Нет. Станция пытается её назвать.

— Как?

— «Возврат». «Отступление». «Нарушение». «Провал».

— А ты?

Мишка сглотнул.

— Я пишу: «бок».

Лиска хмыкнула.

— Молодец.

— Правда?

— Не привыкай.

Элиана шла с поднятой рукой. Неполная форма дрожала. Она держала не дверь, не стену, а незавершённую. Для мага порядка это было почти пыткой: удерживать вещь в состоянии «ещё не определено».

— Элиана? — спросил я.

— Держу.

— Больно?

— Неприлично.

— Это как?

— Хочется всё исправить.

Лиска бросила:

— Не надо. От твоего исправления обычно всем красиво умирать.

— Я уже поняла.

— Хорошо.

— Не радуйтесь.

Горн шёл рядом с Мишкой.

Он смотрел на старые гильдейские знаки, которые проступали и исчезали на стенах.

— Старые протоколы не любили паузу, — сказал он.

— Почему? — спросил Мишка.

— Потому что в паузе ученик успевает подумать, нужен ли ему приказ.

Сенька тихо присвистнул.

— О, страшная вещь для начальства.

— Да, — сказал Горн. — Гильдия боялась этого больше многих разломов.

Мы почти дошли до выхода из зала опоры.

Позади три двери стали ближе.

Слишком ближе.

Так бывает во сне, когда идёшь от чего-то, а оно стоит на месте и всё равно догоняет.

Станция писала на стенах быстрее.

ВЫБОР НЕ СОВЕРШЁН.

ВЫБОР НЕ СОВЕРШЁН.

ВЫБОР НЕ СОВЕРШЁН.

ТРЕБУЕТСЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ МАРШРУТА.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ УСТРАНЕНО.

Дарен остановился.

Все замерли.

— Что? — спросил я.

Он смотрел на пол перед собой.

Туда, где проход в зал опоры должен был быть уже обычным каменным коридором.

Но там была линия.

Тонкая.

Белая.

Незаметная.

Не на полу.

Между тем, что было завершено, и тем, что станция ещё пыталась заставить нас выбрать.

— Здесь, — сказал Дарен.

Сенька вытянул шею.

— Где?

— В паузе.

— Я ненавижу, когда ты становишься поэтом.

Дарен сделал шаг не вперёд.

Не назад.

Он шагнул в момент, когда станция уже решила, что мы возвращаемся, но ещё не успела записать это как провал.

Звучит невозможно.

Так оно и было.

Но разломы вообще плохо обращаются с тем, что звучит возможно.

Дарен исчез.

Не как телепорт.

Не как маг.

Он просто перестал быть в той версии пути, которую станция считала.

— Дарен! — резко сказала Лиска.

Из пустого воздуха справа от нас донёлся его голос:

— Не зови. Иди.

— Куда?!

— Не туда.

Сенька закрыл лицо ладонью.

— Я так и знал, что однажды это станет нормальной командой.

Я посмотрел Контуром.

И увидел.

Тонкая линия, не существовавшая в стене, в полу или воздухе. Она шла не через пространство, а через отказ. Через незаписанную паузу между вопросом и ответом.

[Внешний узел: Дарен]

[Навык бокового восприятия: углублён]

[Обнаружено новое свойство: отказ от навязанного выбора]

[Совместимость с Контуром: повышена]

[Внимание: маршрут существует только при отсутствии подтверждения]

— Не называйте его, — сказал я.

— Кого? — спросил Сенька.

— Путь.

— А как идти по тому, что нельзя назвать?

Лиска толкнула его в плечо.

— Ногами, умник.

— Не соглашайтесь, что идём, — сказал Дарен из пустоты.

Гвоздь нахмурился.

— Это как?

— Просто идите.

— Это и есть согласие.

— Не с дверями.

Горн вдруг понял.

— Не подтверждать маршрут.

— Да, — сказал Дарен.

Элиана медленно выдохнула.

— Форма без имени.

— Удержишь? — спросил я.

— Нет.

— Отлично.

— Я всё ещё не привыкла к вашему неправильному использованию этого слова.

— Значит, живы.

Мы вошли.

Не в дверь.

Не в щель.

Не в коридор.

В боковой ход, который не хотел быть ходом.

Мир на миг стал наклонным.

Но не как пол.

Как решение.

Три двери позади распахнулись шире. Из них потянулись голоса, шаги, вода, свет, тени, обещания. Каждая пыталась стать тем, что мы выбрали.

Мы не выбрали.

И поэтому они не могли нас удержать.

Сенька шёл, тихо щёлкая языком. Не отвечая.

Мишка шёл, глядя на карту, где линия то появлялась, то исчезала, как стеснительная мысль.

Лиска шла, удерживая страх от простого желания побе-

жать хоть куда-нибудь.

Гвоздь держал вес так, чтобы никто не провалился в стыд.

Сила отделял отступление от поражения.

Горн шёл, сжимая знак Гильдии, но не поднимая его как ключ.

Элиана держала форму, которая отказывалась быть формой до конца.

А я держал решение.

Не выбирать.

Иногда это труднее, чем выбрать.

Потому что выбор даёт человеку красивую ложь: ты действовал.

Отказ от навязанного выбора оставляет тебя с пустыми руками.

И только потом ты понимаешь, что именно пустыми руками удобнее держать настоящее.

Боковой ход закончился резко.

Мы вышли не в зал.

Не в коридор.

В узкое место между стенами, которых раньше не было.

За нами три двери исчезли.

Не закрылись.

Именно исчезли, как вопрос, на который отказались отвечать.

Сенька оглянулся.

— Мы прошли?

Дарен стоял у стены.

Снова там, где его не сразу замечали.

— Нет.

Сенька застонал.

— Ну конечно.

— Мы не прошли. Мы не выбрали.

— А это лучше?

Дарен подумал.

— Для нас — да.

На стене рядом с ним начали появляться строки.

ВЫБОР НЕ СОВЕРШЁН.

МАРШРУТ НЕ ПОДТВЕРЖДЁН.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ НЕ УСТРАНЕНО.

Потом пауза.

Длинная.

Недовольная.

И новая строка:

ВОПРОС ОТКЛОНЁН.

Лиска улыбнулась.

— Хорошая надпись.

— Почти ямская, — сказал Мишка.

— Не порть.

Дарен стоял молча.

Я подошёл к нему.

— Как ты?

Он посмотрел не на меня.

В сторону.

— Теперь я вижу не только где можно пройти.

— А что?

— Где вопрос поставлен так, чтобы выхода не было.

Я кивнул.

— И?

Он почти улыбнулся.

— Там обычно и есть бок.

Сенька поднял руку.

— Можно я скажу, что это звучит умно и неприятно?

— Можно, — сказал Дарен.

— Отлично. Звучит умно и неприятно.

Гвоздь присел, коснулся пола.

— Держит.

— Честно? — спросил я.

— Пока не спрашивает, почему мы здесь.

— Хорошо.

— Ненадолго.

— Как всегда.

Элиана стояла перед новой стеной.

Нет.

Не новой.

Просто теперь мы её видели.

На ней не было дверей. Только один знак.

Круг.

Идеально ровный.

Слишком ровный.

Такой правильный, что у меня сразу заболели зубы.

Элиана медленно подняла голову.

Впервые за всё время я увидел: она не испугалась.

Она узнала вызов.

Камень скребнул.

Одно слово.

ФОРМА.

Потом второе.

ПРОВЕРКА ФОРМЫ.

Потом третья строка, от которой Элиана стала совсем неподвижной.

ЗАВЕРШИТЬ КРУГ.

Лиска тихо сказала:

— Леди?

Элиана смотрела на идеальный знак.

— Не трогайте его.

— Мы и не собирались, — сказал Сенька.

— Нет, — сказала Элиана.

Её голос стал холодным.

Очень холодным.

Но под этим холодом я впервые услышал злость.

— Я себе сказала.

Дарен отступил в сторону.

Гвоздь поднялся.

Мишка прижал карту.

Сенька перестал улыбаться.

Сила закрыл глаза.

Горн побледнел.

А я смотрел на круг Контуром.

И Контур показал не ловушку.

Он показал форму, которая была настолько правильной, что в ней не оставалось места для живого.

[Объект: форма порядка]

[Состояние: незавершена]

[Притяжение к завершению: критическое]

[Риск: замыкание группы]

[Ключевой узел: Элиана]

Элиана сделала один шаг вперёд.

Не к кругу.

К себе.

— Значит, теперь я, — сказала она.

Лиска тихо выдохнула:

— Только не умирай красиво.

Элиана не обернулась.

— Постараюсь не дать вам такого удовольствия.

И круг на стене дрогнул.

Как будто услышал.

Глава 3. Слишком правильный круг

Круг был слишком правильным.

Не красивым.

Именно правильным.

Красота ещё умеет ошибаться.

У красивого может дрогнуть линия, сбиться тень, остаться живой след руки, которая не до конца поверила в собственное совершенство.

А этот — нет.

Круг на стене был вырезан так, будто его не резали. Будто камень сам признал: да, вот так должно быть. Ровная линия, чистая дуга, одинаковая глубина реза, ни одной крошки у края, ни одного случайного скола.

И маленький разрыв.

Почти незаметный.

Не больше ногтя.

Но именно он держал нас живыми.

Я понял это сразу.

Не разумом.

Контуром.

Перед глазами вспыхнули тонкие линии. Они не шли от стены наружу, как у обычной печати. Они тянулись к нам.

Не резко. Не жадно. Терпеливо.

Так закрывается ловушка, которая уверена, что добыча сама сделает последний шаг.

[Контур: активен]

[Объект: форма порядка]

[Состояние: незавершена]

[Притяжение к завершению: критическое]

[Риск: замыкание группы]

[Ключевой узел: Элиана]

Элиана стояла перед кругом.

Прямая.

Холодная.

Почти такая же правильная, как он.

Но только почти.

И в этом была надежда.

Лиска тихо сказала:

— Только не умирай красиво.

Элиана не обернулась.

— Постараюсь не дать вам такого удовольствия.

Круг на стене дрогнул.

Как будто услышал.

Сенька, который после своей проверки всё ещё выглядел как человек, которому в ухо насыпали философии, осторожно поднял палец.

— Мне одному кажется, что круг обиделся?

— Нет, — сказал Гвоздь.

— Хорошо.

— Не хорошо.

— Я знаю. Просто проверял, не оглох ли окончательно.
Элиана сделала полшага вперёд.

Я поднял кулак.

Все замерли.

Она тоже.

Не сразу.

И вот это было важно.

Не из непослушания. Из борьбы.

Вся её школа, вся кровь, весь порядок в костях тянули её
исправить разрыв. Довести линию. Завершить форму. Сде-
лать так, как должно.

А я приказал остановиться.

И она остановилась.

Это стоило ей больше, чем многим — шагнуть в огонь.

— Что видите? — спросил я.

Сначала ответил не человек.

Круг.

На камне вокруг него проступили тонкие гильдейские
знаки. Не слова. Формулы. Схемы. Проверки завершения пе-
чати, стабилизации разломного воздействия, замыкания ава-
рийного контура.

Горн втянул воздух сквозь зубы.

— Финальная форма.

— Что финального? — спросил Сенька. — Мне слово не

нравится.

— Проверка завершения печати, — сказал Горн. — Высокий уровень. Ученик должен был удерживать группу внутри формы, стабилизировать давление и закрыть внешний разломный контур.

Лиска прищурилась.

— Удерживать группу внутри?

— Да.

— Уже звучит как плохая идея.

— Тогда это считалось безопасностью.

— У вас в Гильдии безопасность часто похожа на похороны с инструкцией.

Горн не возразил.

Плохой знак.

И хороший.

— Здесь учили завершать печать, — сказал он.

— И что пошло не так? — спросил Мишка.

Горн посмотрел на разрыв в круге.

— Мы забыли учить, когда печать нельзя завершать.

Элиана слегка повернула голову.

— Печать завершают, когда форма стабильна.

— А если стабильность убивает? — спросила Лиска.

Элиана не ответила.

Круг ответил за неё.

На стене проступила строка:

ЗАВЕРШИТЬ КРУГ.

Потом вторая:

СТАБИЛЬНОСТЬ ТРЕБУЕТ ЗАМЫКАНИЯ.

Потом третья:

НЕЗАВЕРШЁННОСТЬ — ДЕФЕКТ.

Элиана дёрнулась.

Совсем немного.

Только пальцы.

Но я увидел.

Лиска тоже.

— Леди, — сказала она тихо, — не слушай стенку. Она грубая.

— Это не грубость, — сказала Элиана.

Голос её был ровный.

Слишком ровный.

— Это базовый принцип формы.

— Значит, базовый принцип хочет нас закрыть в банку.

— Если вы продолжите так формулировать, мне будет трудно воспринимать угрозу серьёзно.

— А ты попробуй. Мне помогает.

Я смотрел Контуром.

Круг был почти завершён. И именно поэтому опасен.

У незавершённой формы есть дыхание. Место для ошибки. Для выхода. Для живого. У завершённой — есть красота, сила, устойчивость.

И ноль дверей.

[Форма: почти завершена]

[Стабильность: высокая]

[Жизненный допуск: отсутствует]

[Выходы после замыкания: ноль]

Я сказал:

— Если круг закроется, он нас не убьёт сразу.

Сенька облегчённо выдохнул.

— О, отлично.

— Он нас сохранит.

Сенька замер.

— Вот это уже хуже.

— Как? — спросил Мишка.

Горн ответил вместо меня:

— Как учебные образцы.

Лиска скривилась.

— Я не образец.

— Здесь спросят форму, а не тебя, — сказала Элиана.

Слова вышли жёстко.

И она сама это поняла.

Лиска улыбнулась.

— О, леди начала злиться.

— Не радуйтесь.

— Поздно.

Сила стоял с закрытыми глазами. После зала опоры и слуховой камеры он выглядел так, будто с него сняли не кожу, а несколько чужих паник, которые успели к нему прилипнуть. Но голос его оставался мягким.

— Это не страх, — сказал он.

— А что? — спросил я.

— Стыд.

Элиана резко повернулась.

Сила не открыл глаз.

— Стыд перед правильным.

Круг дрогнул.

Надпись на стене стала ярче:

НЕЗАВЕРШЁННОСТЬ — ДЕФЕКТ.

Лиска посмотрела на Элиану.

— Здесь не боятся умереть.

— А чего? — спросил Сенька.

— Сделать неправильно.

Элиана сказала:

— Вы не понимаете.

— Тогда объясни, — сказал я.

Она долго молчала.

Для Элианы это уже было объяснением.

Потом произнесла:

— Разрыв в форме.

Лиска сразу:

— Хорошо.

Элиана повернулась к ней.

— Нет.

Я сказал:

— Хорошо.

Теперь она повернулась ко мне.

Медленно.

Опасно.

— Для вас, может быть.

— Для нас всех.

— Разрыв ослабляет печать.

— Он даёт выйти.

— Печать не создают, чтобы из неё выходили.

— Вот поэтому мы и стоим в старой станции, которая учит людей умирать правильно.

Элиана замолчала.

Попал.

Не сильно.

Но точно.

Гвоздь присел и коснулся пола.

— Держит слишком хорошо.

Сенька вздрогнул.

— После прошлого зала это вроде хорошо.

Гвоздь покачал головой.

— Нет. Так держит крышка.

Никто не пошутил.

Даже Сенька.

Он наклонил голову, слушая круг.

— Здесь нет эха.

— Это плохо? — спросил Мишка.

Сенька поморщился.

— Нет. Хуже. Здесь всё уже согласилось.

Мишка развернул карту.

И карта начала закругляться.

Сначала едва заметно. Линии коридоров, которые мы прошли, чуть изогнулись. Потом сильнее. Путь назад стал дугой. Путь вперёд — дугой. Даже отметки нас самих начали тянуться по краю невидимого кольца.

— Карта закругляется, — прошептал Мишка.

— Что значит? — спросила Лиска.

Он сглотнул.

— Все дороги становятся краем одной клетки.

Дарен стоял сбоку.

Нет.

Пытался стоять сбоку.

В этом месте даже сбоку не получалось быть сбоку. Круг делал всё своим краем. Любое положение становилось частью общей линии.

— Здесь нет стороны, — сказал Дарен.

— Как это? — спросил Сенька.

— Круг всё делает своим краем.

Камень снова скребнул.

ЗАВЕРШИТЬ КРУГ.

Элиана закрыла глаза.

Вот это было опасно.

Не потому что она испугалась.

Потому что начала бороться внутри.

А внутреннюю борьбу станция любила больше внешней. Снаружи тебя можно остановить. Внутри ты сам можешь от-крыть дверь.

— Он не просит, — сказала Элиана.

— А что делает? — спросил я.

Она открыла глаза.

— Исправляет меня.

Лиска резко выдохнула.

— Мерзость.

Элиана посмотрела на неё.

— Для меня это не мерзость.

— А что?

— Привычка.

И вот это было страшнее.

Круг не ломал её.

Он опирался на то, что уже было в ней построено.

Станция не показала Элиане смерть.

Она показала незачёт.

И для неё это было почти то же самое.

Камень вокруг круга потемнел, и перед нами на миг про-ступила другая комната.

Не полностью.

Фрагмент.

Высокий зал. Холодный свет. Ровные ряды учеников. Чи-стый пол. Запах мела, камня и дорогих тканей. Голос настав-ника:

— Форма должна быть завершена.

Элиана стояла маленькая.

Нет.

Моложе.

Слишком прямая для своего возраста.

Перед ней — незамкнутый круг.

Тот же разрыв.

Голос:

— Ошибка в форме — ошибка в крови.

Лиска тихо сказала:

— Ах ты ж...

Фрагмент исчез.

Элиана стояла перед нами, взрослая, холодная, с поднятым подбородком.

Но пальцы у неё дрожали.

Совсем немного.

— Это ложное воспоминание? — спросил я.

— Нет, — сказала она.

— Было?

— Достаточно.

Сенька тихо пробормотал:

— У богатых детей тоже, оказывается, умеют бить не руками.

Элиана посмотрела на него.

И не возразила.

Станция почувствовала трещину.

Круг засветился не светом, а правильностью. Линия стала глубже. Разрыв — тоньше.

Элиана сделала шаг.

Я сказал:

— Стоять.

Она остановилась.

— Макар Лютов, если я не стабилизирую форму, она может начать замыкаться сама.

— Если стабилизируешь неправильно, она замкнётся тобой.

— Я знаю.

— Не уверен.

Она резко повернулась.

— Вы думаете, я не понимаю опасность?

— Думаю, ты слишком хорошо понимаешь правильность. Вот это её задело.

Хорошо.

Иногда человека надо не успокаивать, а вернуть ему злость, пока срам не сделал его послушным.

Лиска подошла к ней на полшага.

— Леди, ты слишком стараешься быть правильной.

Элиана почти улыбнулась.

Почти — опасное слово.

— Это называется образование.

— В Яме это называется удобная мишень.

— В Яме многое называется неправильно.

— Зато мы живы.

— Не все.

— Никто не все.

Элиана замолчала.

Лиска смотрела на круг.

— Ошибись сама.

Элиана медленно повернула голову.

— Что?

— Пока станция не ошиблась тобой.

Сенька прошептал:

— Вот это было умно.

Лиска даже не повернулась.

— Не порть момент.

Круг начал тянуть нас.

Не силой.

Формой.

Это трудно объяснить.

Сила толкает. Страх дёргает. Голос зовёт. Вес давит.

Форма — убеждает.

Сначала Лиска чуть сдвинулась левее.

Потом Гвоздь, сам не заметив, поставил ногу на старую гильдейскую отметку.

Сенька повернулся так, что его плечо стало частью дуги.

Мишкина карта сама легла под нужным углом.

Дарен, который обычно выпадал из любого построения, вдруг оказался на краю круга.

Сила встал там, где линия страха должна была стать мягким замыканием.

Горн — у старого гильдейского знака доступа.

Я — почти в центре.

А Элиана...

Элиана была недостающей линией.

Контур вспыхнул.

[Группа используется как элементы формы]

[Замыкание через ключевой узел: Элиана]

[После замыкания: выходы отсутствуют]

[Назначение: сохранение учебного образца]

— Она строит круг из нас, — сказал я.

Гвоздь сразу попытался шагнуть.

Пол держал.

Слишком хорошо.

— Не пускает, — сказал он.

— Не держит, — поправила Элиана. — Фиксирует.

— Разница?

— Держат живое. Фиксируют образец.

Лиска дёрнулась.

— Я не образец.

Круг ответил строкой:

СТРАХОВОЙ УЗЕЛ — ТОЧКА ФОРМЫ.

Лиска показала стене кинжал.

— Точка у тебя сейчас будет.

— Не режь, — сказал я.

— Почему все интересное нельзя?

— Потому что линия замкнётся через разрыв.

— Скучно.

— Живо.

— Терплю.

Станция продолжала.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ — ВНЕШНИЙ
КРАЙ.

ОПОРА — НИЖНЯЯ ДУГА.

СЛУХОВОЙ ОТКЛИК — РЕЗОНАНСНАЯ ТОЧКА.

БОКОВОЕ ОТКЛОНЕНИЕ — ВКЛЮЧИТЬ В КРАЙ.

РАЗДЕЛИТЕЛЬ ПАНИКИ — МЯГКОЕ ЗАМЫКАНИЕ.

СТАРЫЙ ДОСТУП — ПОДТВЕРДИТЬ ФОРМУ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТУР — ОСЬ.

ФОРМА ПОРЯДКА — ЗАВЕРШИТЬ.

Элиана вдохнула.

И круг вдохнул вместе с ней.

Вот это было плохо.

— Элиана, — сказал я.

— Я знаю. Не завершать.

— Нет.

Она резко посмотрела на меня.

— Тогда что?

— Научи его дышать.

Сенька закрыл глаза.

— Вот теперь я совсем ничего не понял, но звучит так,

будто нам конец.

Элиана смотрела на меня.

— Форма не дышит.

— Эта будет.

— Это противоречит основам.

— Основы построили эту станцию.

Горн тихо сказал:

— И похоронили учеников.

Элиана не моргнула.

— Форма должна держать.

— Да, — сказал я. — Но не убивать тех, кого держит.

Лиска добавила:

— И не делать из людей красивую банку.

Элиана бросила на неё быстрый взгляд.

— Ваша терминология отвратительна.

— Зато помогает не умереть эстетически.

Гвоздь сказал:

— Если замкнёт, пол станет крышкой.

Сенька:

— Если замкнёт, звук не выйдет.

Мишка:

— Если замкнёт, карта станет кругом. Без края. Без до-
роги.

Дарен:

— Если замкнёт, бок станет частью стены.

Сила:

— Если замкнёт, страх станет правильным.

Горн:

— Если замкнёт, Гильдия снова выиграет у живых.

Элиана слушала.

Вот она — бригада.

Не хор.

Хор слишком красив.

Это было другое.

Каждый говорил своим куском мира.

Каждый давал ей не приказ, а часть картины.

А решение всё равно должно было быть её.

Потому что это была её проверка.

Круг тянул.

Сильнее.

Разрыв в линии стал почти невидимым.

Элиана подняла руки.

Я видел, как её магия откликается. Не заклинание даже. Структура. Тонкая, холодная, точная. Она хотела лечь в разрыв и закончить всё.

Элиана остановила её.

Лицо её стало белым.

— Больно? — спросила Лиска.

— Неправильно, — сказала Элиана.

— Это не ответ.

— Для меня — почти.

Сила тихо сказал:

— Стыд не твой.

Элиана не повернулась.

— Мой.

— Часть — твоя. Часть — подложили.

— Я различу.

— Нет, — сказал Сила мягко. — Если бы могла, станция не выбрала бы это.

Элиана закрыла глаза.

Сила поднял ладонь, но не коснулся её.

— Я не заберу стыд. Он держит твою форму.

— Тогда что?

— Отделю его от послушания.

Элиана кивнула.

Едва.

Сила провёл ладонью в воздухе.

Я увидел серую нить, идущую от круга к её горлу. Не к сердцу. Не к рукам. К горлу.

Место, где человек говорит: «да, я исправлю».

Нить дрогнула и распалась.

Элиана резко вдохнула.

— Благодарю.

Сила чуть улыбнулся.

— Не за что.

Лиска шепнула:

— Теперь ошибайся.

Элиана открыла глаза.

В них было холодно.

Но теперь этот холод был не тюрьмой.

Лезвием.

— Ошибка — случайное нарушение формы, — сказала она.

— Ох, началось, — простонал Сенька.

— Молчите.

— Да, леди.

— Мне нужна не ошибка.

Круг дрогнул.

Элиана подняла руки выше.

— Мне нужен допуск.

— Допуск чего? — спросил Мишка.

— Живого.

Слова прозвучали в зале так, будто кто-то открыл окно там, где окон не было.

Круг ответил сразу.

ДОПУСК НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.

Элиана улыбнулась.

Очень холодно.

— Предусмотрим.

Горн вдруг выпрямился.

— В старом протоколе незавершённая печать считалась провалом.

Элиана не обернулась.

— А в новом?

Горн посмотрел на нас.

На Лиску с кинжалами.

На Мишку с картой.

На Сеньку, который слушал тишину.

На Гвоздя, упёршегося в пол.

На Дарена, не дающего краю стать стеной.

На Силу, отделяющего стыд от послушания.

На меня.

И снова на Элиану.

— Я бы назвал её шансом.

Круг начал замыкаться сам.

Без Элианы.

Станция поняла, что ключевой узел сопротивляется, и решила завершить форму через нас.

Линии рванулись.

Лиска вскрикнула — не от боли, от злости. Её страх пытались прибить к дуге.

Мишкина карта свернулась кольцом.

Сенька зажал уши.

— Звук пошёл по кругу!

Гвоздь просел.

— Пол становится крышкой!

Дарен исчез на миг и тут же появился там же.

— Бока нет. Всё край.

Сила побледнел.

— Стыд возвращается.

Горн поднял знак Гильдии.

— Старый доступ не подтверждает завершение!

Стена вспыхнула:

ЗАВЕРШЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Да.

Станция училась.

Теперь она уже не ждала старых разрешений.

Она брала.

— Элиана! — сказал я.

— Не мешайте.

— Я и не умею.

— Умеете.

— Не в этом.

Она подняла обе руки.

Перед ней возник круг.

Не тот, что на стене.

Её собственный.

Сначала он тоже был идеальным.

Слишком.

Я увидел, как её привычка почти победила.

Линия шла ровно. Чисто. Без дрожи.

И тогда Лиска крикнула:

— Леди!

Элиана не обернулась.

— Что?

— Если сделаешь красиво, я тебя потом не прощу!

— Вы меня и так не прощаете.

— А сейчас хуже будет!

Элиана вдруг рассмеялась.

Коротко.

Почти неслышно.

Но рассмеялась.

И линия её круга дрогнула.

Не сломалась.

Ожила.

Станция не ожидала смеха в форме порядка.

Я тоже, если честно.

Но иногда лучшее инженерное решение приходит не из расчёта, а из того, что кто-то вовремя испортил идеальную линию.

Элиана повела форму.

Не кругом.

Спиралью.

Нет.

Не совсем спиралью.

Разомкнутым кольцом, которое держало направление, но не закрывало выход. Линия шла вокруг нас, принимала точки, связывала их — и оставляла разрыв не как дефект, а как дверь.

Круг на стене попытался втянуть разрыв.

Элиана сказала:

— Нет.

Тихо.

Но это было настоящее «нет».

Не уличное. Не грубое. Не испуганное.

Формальное.

Законное.

Её.

— Форма не обязана быть закрытой, чтобы держать.

На стене вспыхнуло:

НЕВЕРНО.

Элиана подняла подбородок.

— Тогда учись.

Сенька прошептал:

— Она сказала это стене так, будто выгнала ученика из класса.

Лиска улыбнулась.

— Нравится.

Элиана продолжила:

— Порядок не обязан быть клеткой.

Её линия легла на Гвоздеву точку опоры — и не пригвоздила его.

На Лискин страх — и не прибила.

На Сенькин звук — и не заставила молчать.

На Мишкину карту — и не закруглила её.

На Даренов бок — и оставила ему сторону.

На Силин мягкий знак — и не превратила в замок.

На Горнов старый доступ — и не потребовала подтвер-

ждения.

На мой Контур — и не сделала меня осью клетки.

Она связывала.

Но не закрывала.

Держала.

Но не фиксировала.

Это было красиво.

По-настоящему.

Потому что живое.

Станция ударила правильностью.

Круг на стене вспыхнул и почти завершился. Разрыв стал
тоныше волоса.

Элиана пошатнулась.

Из носа у неё пошла кровь.

Лиска дёрнулась.

— Не трогать, — сказал я.

— Она падает!

— Нет.

Элиана стояла.

Только теперь я понял: её не держал пол.

Её держала форма, которую она не дала стать тюрьмой.

— Это не дефект, — сказала она.

Круг дрогнул.

Сенька, кажется, перестал дышать.

— А что? — спросила Лиска тихо.

Элиана посмотрела на разрыв в своей линии.

— Выход.

И разомкнутый порядок ударил по кругу.

Не силой.

Смыслом.

Завершённый круг не выдержал формы, которая держала
лучше него именно потому, что не была замкнута.

Разрыв на стене расширился.

Сначала до ногтя.

Потом до пальца.

Потом линия круга треснула не как камень.

Как правило.

Тихо.

Сухо.

Необратимо.

На стене начали проступать надписи:

ФОРМА НЕ ЗАВЕРШЕНА.

СТАБИЛЬНОСТЬ СОХРАНЕНА.

ЗАМЫКАНИЕ НЕ ПРОИЗОШЛО.

ОШИБКА.

ОШИБКА.

ОШИБКА.

Потом новая строка:

РАЗОМКНУТЫЙ ПОРЯДОК — НЕ КЛАССИФИЦИРОВАН.

Сенька выдохнул так, будто до этого минуту спорил с собственными лёгкими.

— Я люблю, когда она не знает слов.

— Она учится, — сказал Горн.

— Не порти.

Мишка посмотрел в карту.

Карта больше не была кругом.

Она стала похожа на раскрытое кольцо, в котором один край указывал наружу.

— Есть проход.

— Где? — спросил я.

Он показал на разрыв в круге.

— Там, где Элиана не закончила.

Лиска повернулась к Элиане.

— Ох. Опять красиво вышло.

Элиана стояла бледная, с кровью под носом, но прямая.

— Зато не замкнула.

Лиска улыбнулась.

Не насмешливо.

Почти тепло.

Но вовремя испортила:

— Не привыкай. Я всё ещё считаю тебя опасно образованной.

— А я вас — опасно необразованной.

— Вот теперь нормально.

Мы прошли через разрыв.

Не через дверь.

Не через щель.

Через форму, которая согласилась оставить нас живыми.

Когда я шагнул внутрь разомкнутого порядка, Контур отозвался не болью, а странным спокойствием. Не мёртвым, как у крышки. Не правильным, как у станции. Живым.

[Внешний узел: Элиана]

[Навык формы порядка: углублён]

[Обнаружено новое свойство: разомкнутый порядок]

[Совместимость с Контуром: повышена]

[Предупреждение: завершённые формы высокого класса могут сопротивляться размыканию]

Конечно.

Ни один урок здесь не был подарком.

За нами круг на стене потускнел.

Не исчез.

Он остался.

Но теперь в нём был разрыв.

Настоящий.

Не дефект.

Выход.

Горн подошёл к стене и долго смотрел на треснувшую линию.

— В старой Гильдии за такое...

— Провалили бы? — спросил Сенька.

Горн покачал головой.

— Не поняли бы.

— Это хуже?

— Иногда да.

Элиана вытерла кровь платком.

Очень аккуратно.

Даже кровь у неё, казалось, должна была соблюдать приличия.

— Я всю жизнь думала, что незавершённость — это слабость, — сказала она.

Лиска посмотрела на неё.

— А теперь?

Элиана сложила платок.

— Теперь я думаю, что иногда это единственная форма милосердия.

Лиска вздохнула.

— Ох. Опять красиво сказала.

— Зато не замкнула.

Сенька поднял руку.

— Можно я запишу? Для будущих поколений: если леди говорит красиво, проверить, есть ли выход.

— У тебя нет будущих поколений, — сказала Лиска.

— Пока. Я сложный, но перспективный.

Гвоздь коснулся пола.

— Держит нормально.

— Что значит нормально? — спросил Мишка.

— Не как крышка. Не как могила. Как пол, которому всё равно, кто ты.

— Прекрасный пол, — сказал Сенька.

Дарен смотрел назад.

— Бок остался.

— Где? — спросил я.

— В разрыве.

Он сказал это почти с уважением.

Для Дарена признать форму полезной — всё равно что для Лиски признать, что кто-то благородный не совсем бесполезен.

Большой день.

Сила всё это время молчал.

Слишком долго.

Я посмотрел на него.

— Сила?

Он стоял у края разомкнутого круга и смотрел на стену, где надписи станции медленно гасли.

— Что? — спросила Лиска.

Он не ответил сразу.

Лицо у него стало мягким.

Слишком мягким.

Как перед ударом, который приходит не снаружи, а изнутри.

На стене, ниже строк о форме, проступила новая надпись.

Сначала медленно.

Потом чётко.

ЧУЖОЙ СТРАХ — НЕ ОТДЕЛЁН.

Сила поднял голову.

— Это неправда, — сказал он.

И побледнел.

Перо за стеной скребнуло.

Ещё одна строка:

РАЗДЕЛИТЕЛЬ ПАНИКИ — ПРОВЕРИТЬ ГРАНИЦУ.

Лиска тихо выругалась.

Сенька перестал улыбаться.

Гвоздь выпрямился.

Мишка прижал карту к груди.

Дарен отошёл вбок.

Горн закрыл глаза.

Элиана, всё ещё бледная, повернулась к Силе.

— Она лжёт?

Сила медленно вдохнул.

— Хуже.

— Что?

Он посмотрел на нас.

— Она попыбует сделать это правдой.

И где-то впереди, за следующим поворотом, раздался не крик.

Не голос.

А общий вдох множества людей, которые испугались одновременно.

Глава 4. Кулак Макара

После круга Элианы станция притихла.

Не умерла.

Мёртвые места молчат проще. Они не думают, как лучше поставить тишину. Они просто лежат, гниют, осыпаются, скрипят от ветра и честно показывают, где у них трещины.

Эта станция молчала иначе.

Аккуратно.

Вежливо.

Почти воспитанно.

А вежливая тишина в разломе — это не отсутствие опасности.

Это хорошее воспитание у смерти.

Я стоял у выхода из зала, где Элиана только что спорила с формой, и смотрел в тёмный проход впереди. Камень там был серый, старый, гильдейский. Такой камень любили мастера, которые верили, что если положить плиту ровно, подписать её правильно и трижды заверить печатью, то мир обязан вести себя прилично.

Мир, к сожалению, об этом часто не знал.

А разломы знали.

И пользовались.

Лиска стояла чуть сбоку, с кинжалами в руках, но уже не крутила ими. После своей двери она стала тише. Не слабее

— нет. Лиска вообще редко становилась слабее. Она становилась опаснее, когда переставала показывать зубы.

Мишка прижимал карту к груди. Бумага у него дрожала мелко, будто пыталась не попасться на глаза месту, которое умело читать обратно.

Сенька смотрел в проход и старался делать вид, что у него всё под контролем. Получалось плохо, но старательно.

Гвоздь молчал. Это у него всегда получалось лучше всех. Иногда я думал, что если бы Гвоздь однажды решил высказать всё, что накопилось, у нас бы обвалилась не станция, а город.

Дарен не смотрел в проход.

Дарен никогда не смотрел только туда, куда ему показывали.

Сила стоял бледный, будто его уже заранее извинили за будущую смерть, а ему это не понравилось.

Элиана держалась прямо. После своей проверки она не стала мягче. Она стала точнее. Как клинок, который впервые понял, что идеальная линия тоже может быть ловушкой.

Горн был рядом с ней, но чуть позади. Не как слуга. Не как надсмотрщик. Как человек, который слишком долго принадлежал Гильдии, а теперь начал понимать, что Гильдия не всегда знала, что именно держит за стеной.

Я смотрел Контуром.

Станция больше не пробовала нас по одному.

Я это понял не сразу. Плохие вещи редко пишут свои на-

мерения крупными буквами. Хотя, если вспомнить некоторые гильдейские инструкции, зря. Было бы честнее.

Контур лёг на стены тонкими линиями.

Не светом.

Не огнём.

Он никогда не был красивой магией для тех, кто любит красивые магии. Он был ближе к чертежу, который кто-то нарисовал на внутренней стороне зрения. Линии напряжения. Узлы. Связи. Места, где камень держит. Места, где камень только делает вид.

Перед нами был центральный проход.

Ровный.

Сухой.

Чистый.

Без трещин.

Без пятен.

Без чужих теней.

Без шёпота в углах.

Без тех мелких неправильностей, за которые я обычно цеплялся, как голодный за последнюю корку.

Контур отметил проход спокойно.

Слишком спокойно.

[Контур: активен]

[Объект: центральный проход]

[Форма: стабильная]

[Опора: подтверждена]

[Поверхность: достоверна]

[Риск: отсутствует]

Я моргнул.

Потом ещё раз.

Риск отсутствует.

В старой гильдейской станции.

После шести проверок.

После живых дверей.

После чужих голосов, ложных карт, пола, который не отвечал, и формы, которая пыталась быть умнее людей.

Контур говорил: риска нет.

Значит, кто-то очень хорошо соврал.

— Что? — тихо спросила Лиска.

Она не спросила громко. Не потому что боялась шума. Лиска вообще редко боялась того, что можно ударить ножом. Просто она уже видела моё лицо.

А моё лицо, если верить Сеньке, обычно делилось на три вида: “сейчас будет больно”, “сейчас будет очень больно” и “я придумал план, поэтому всем лучше заранее простить меня”.

Сейчас, кажется, было что-то четвёртое.

— Проход чистый, — сказал я.

Сенька сразу оживился:

— Так это же...

— Плохо, — закончила Лиска.

Сенька посмотрел на неё с обидой.

— Я хотел сказать “подозрительно”. У меня тоже есть умные слова. Просто я ими пользуюсь экономно, чтобы не закончились.

Элиана не улыбнулась.

Горн тоже.

Гвоздь опустил взгляд на плиты.

Дарен посмотрел не в проход, а туда, где проход должен был иметь возможность быть не единственным.

Сила вздохнул, и этот вдох мне не понравился. Слишком ровный. Слишком спокойный.

— Почему плохо? — спросил Горн.

Он спрашивал не как ученик. Как мастер, который уже понимал ответ, но хотел услышать его вслух.

Я не сразу ответил.

В классе Е опасность часто выглядит как опасность.

Трещина. Пятно. Холодный край. Зубастая тварь, которая считает тебя ужином, а себя — естественным порядком вещей.

В классе D опасность уже умеет прятаться.

В классе C она начинает спорить.

В классе B — учиться.

А здесь...

Я смотрел на чистый, ровный, честный проход.

— Потому что в классе A, — сказал я медленно, — если всё выглядит безопасным, значит, место уже решило, как будет убивать.

Слова прозвучали слишком тяжело.

Даже для меня.

Горн резко поднял голову.

— Класс А?

— Я не сказал, что это он, — ответил я.

— Но подумал, — сказала Элиана.

Я скосил на неё глаза.

— Леди, у вас неприятная привычка слышать мои мысли раньше, чем я успеваю сделать вид, что они умнее.

— Это не привычка, — сухо сказала она. — Это форма наблюдения.

— Вот только не начинайте сейчас с формой. Она уже пробовала нас убить.

Сенька тихо фыркнул.

И хорошо.

Живой звук.

Неровный.

Неправильный.

Мне он понравился.

Я поднял руку.

Высоко.

Кулаком.

Бригада остановилась.

Не красиво.

Не строим.

Не как в гильдейских учебных залах, где все одинаково

держат спины, одинаково смотрят вперёд и одинаково не понимают, почему потом умирают в первом же месте, где пол оказался умнее инструкции.

Мы остановились по-другому.

Лиска замерла на полшага впереди. Тело уже хотело двигаться, но голова успела приказать ему не быть душой.

Мишка прижал карту так крепко, будто она могла вырваться и побежать сдавать нас станции.

Сенька открыл рот.

Потом закрыл.

Это был важный вклад в общую безопасность.

Гвоздь перенёс вес назад. Не полностью. Чуть-чуть. Так, чтобы пол под ним понял: его не любят.

Дарен исчез вниманием. Тело осталось рядом, а сам он уже стоял где-то сбоку от происходящего и смотрел на него из щели, которой ещё не было.

Сила побледнел сильнее.

Элиана выпрямилась так, будто сам воздух вокруг неё вспомнил о дисциплине.

Горн перестал дышать на середине вдоха.

Узел собирался.

Вот так.

Не печать.

Не строй.

Не приказ.

Живой узел.

Кривой, разный, неудобный для любой нормальной академии и поэтому пригодный для выживания.

Я держал кулак поднятым ещё несколько мгновений.

Пусть станция смотрит.

Пусть учится.

Если уж она решила считать нас вместе, пусть видит, что вместе — это не значит одинаково.

— Контур показывает проход чистым, — сказал я. — Форма стабильная. Опора подтверждена. Поверхность достоверна. Риск отсутствует.

— Звучит почти приятно, — осторожно сказал Сенька.

— Именно, — ответил я. — Поэтому не верю ни одному камню.

Лиска кивнула.

— Наконец-то разумный подход к архитектуре.

Горн едва заметно поморщился.

— Это старая гильдейская кладка.

— Тем хуже, — сказал я. — У старых гильдейских кладок есть привычка сначала называться безопасными, а потом требовать отдельный отчёт о причине смерти.

Сенька поднял палец.

— Если что, я против отчёта. Пусть пишут: “Умер красиво, но с возражениями”.

— Лиска, — сказал я.

Она перестала смотреть на Сеньку.

— Страх.

Лиска не сразу ответила.

Она смотрела не в проход.

Она смотрела в нас.

В плечи. В пальцы. В то, как Мишка держит карту. В то, как Горн слишком гильдейски стоит у стены. В то, как Элиана держит подбородок. В мою руку.

Потом её глаза стали узкими.

— Плохой, — сказала она.

— Страх всегда плохой, — буркнул Сенька.

— Не всегда, — отрезала Лиска. — Хороший страх толкает назад. Умный — вбок. Дурной — вперёд. Этот...

Она замолчала.

— Что? — спросил я.

— Этот держит на месте.

Я посмотрел на проход.

— Значит, если мы остановимся, он доволен?

— Нет. Если мы поверим, что стоим правильно.

Сила тихо выдохнул.

Горн посмотрел на Лиску иначе. Раньше он смотрел на неё как на девчонку из Ямы с ножами и слишком острым языком. Теперь — как на инструмент, которого не было ни в одном гильдейском списке, и потому списки вдруг стали выглядеть бедными.

— Мишка, — сказал я. — Карта.

Мишка развернул лист.

Пальцы у него дрожали, но глаза уже работали.

Он провёл по линии коридора. Потом ещё раз. Потом нахмурился так, будто карта лично его предала, хотя он всегда подозревал её в слабом характере.

— Совпадает, — прошептал он.

Сенька осторожно поднял брови.

— Я, конечно, не специалист по трагедиям на бумаге, но совпадает — это ведь обычно хорошо?

Мишка покачал головой.

— Она совпадает слишком точно.

Элиана повернулась к нему.

— Объясни.

Раньше она сказала бы это как приказ.

Теперь — как часть работы.

Мишка заметил. И от этого, кажется, испугался ещё сильнее.

— Старые карты не совпадают с живыми местами до последней трещины, — сказал он. — Тут должна быть ошибка. Хоть маленькая. Пыль, сдвиг плиты, осадка стены, старая поправка, след ремонта... хоть что-то. А здесь всё как на схеме. Даже трещина у третьей ниши. Даже скол у левого края. Даже отметка старого крепления.

— Значит? — спросил я.

Мишка сглотнул.

— Значит, место подделывает карту. Не карта показывает проход. Проход показывает карте то, что она хочет увидеть.

Я почувствовал, как по спине прошёл холод.

Не от страха.

От уважения.

Плохое место, которое подделывает не камень, а доказательства, заслуживает внимательного отношения. И желательно — тяжёлого молота. Но молота у нас не было. У нас был Гвоздь. Почти подходит.

— Сенька, — сказал я. — Звук.

Сенька сразу стал серьёзным.

Это у него происходило редко, но метко. Когда Сенька переставал шутить, я начинал беспокоиться больше, чем когда он начинал.

Он прикрыл глаза.

Мы все молчали.

В проходе не было эха.

Не было капли.

Не было скрипа.

Не было шороха пыли.

Ничего.

Сенька открыл глаза.

— Эха нет.

— Хорошо? — спросил Горн.

Сенька посмотрел на него с жалостью человека, который впервые понял, что мастер Гильдии тоже может быть глух к полезным ужасам.

— Нет. Плохо не то, что его нет.

— А что?

— Оно ждёт.

Элиана медленно повернула голову.

— Эхо не может ждать.

— Леди, — сказал Сенька, — я тоже раньше думал, что пол не может врать. Потом познакомился с нашим образом жизни.

Лиска коротко хмыкнула.

Сенька кивнул в проход.

— Звук туда не уходит. Он как будто висит у края. Если мы войдём, он вернётся не после нас. Он вернётся вместе с нами. Или вместо нас. Не знаю. Но там не тишина. Там задержанный ответ.

Контур на мгновение дрогнул.

Не показал.

Не подтвердил.

Просто дрогнул, будто слышал слово, которое сам ещё не успел подобрать.

Задержанный ответ.

Хорошо.

Плохо, но хорошо.

— Гвоздь, — сказал я. — Вес.

Гвоздь сделал шаг. Маленький. Почти незаметный.

Камень под его ногой не скрипнул. Не просел. Не отозвался.

Гвоздь нахмурился.

Это было заметно не по лицу. Лицо у него всегда было как

дверь в подвал, которую давно не открывали. Но у него чуть изменились плечи.

— Держит, — сказал он.

Сенька осторожно улыбнулся.

— Вот. Хоть кто-то...

— Но не помнит.

Сенька закрыл рот.

Все посмотрели на Гвоздя.

Он смотрел вниз.

— Хороший пол помнит, что на нём стояли. Камень принимает вес. Отдаёт. Старый пол не бывает новым под ногой. Он знает шаги. Этот держит нас как новый. А он старый.

Горн медленно опустил взгляд на плиты.

— В старых станциях иногда ставили обновляющие связки...

— Это не обновление, — сказал Гвоздь.

Просто.

Без спора.

Без злости.

Так говорят люди, которые не доказывают. Они держат.

— Тогда что? — спросил Горн.

Гвоздь поднял глаза.

— Он ещё не решил, что мы на нём стоим.

Очень тихо стало после этих слов.

Я посмотрел на проход.

Пол, который ещё не решил, что мы на нём стоим.

Место, которое ждёт признания.

Контур вспыхнул тонкой строкой, но тут же погас.

[Нагрузка: не закреплена]

Вот теперь ты заговорил, сукин сын.

— Дарен, — сказал я. — Сбоку.

Дарен не ответил сразу.

Он смотрел на стены. На ниши. На углы. На пустоту между двумя плитами. На то место, где любой нормальный человек ничего бы не увидел и был бы прав до первой смерти.

— Нету, — сказал он.

— Стены цельные? — спросила Элиана.

— Нет.

— Тогда что значит “нету”?

Дарен повернул голову.

— Бок есть. Мы не можем о нём подумать.

Сила вздрогнул.

Лиска ругнулась почти беззвучно.

Горн нахмурился.

— Ментальное подавление варианта?

Дарен посмотрел на него.

— Если вам от этого легче.

Сенька шепнул:

— Мне нет.

Дарен продолжил:

— Место не закрывает проход сбоку. Оно убирает мысль о нём. Смотришь — стена как стена. Но страшно не это.

Страшно, что не хочется искать.

Я понял.

И мне это не понравилось больше всего.

Стена, которая закрывает путь, — честная.

Стена, которая закрывает мысль о пути, — уже дрессировка.

— Сила, — сказал я. — Паника.

Сила долго молчал.

Его лицо стало почти серым.

— Её нет.

Лиска резко повернулась.

— Совсем?

— Совсем.

— В разломе?

Он кивнул.

— Вот поэтому плохо. У живых людей рядом с таким проходом должна быть хотя бы маленькая дрожь. Слабая. Своя. Даже если человек храбрится, внутри всё равно что-то считает выходы. А здесь...

Он провёл ладонью по груди.

— Здесь как будто кто-то заранее снял дрожь. Не успокоил. Снял. Как лишнюю деталь.

Я посмотрел на свои пальцы.

Они были спокойны.

Слишком.

Мне захотелось немедленно вернуть себе хотя бы нор-

мальное человеческое беспокойство. Без него я чувствовал себя не смелым. Плохо собранным.

— То есть нас не пугают, — сказал я. — Нас успокаивают. Сила кивнул.

— Да.

— Ненавижу, когда обо мне заботятся разломы, — сказал Сенька. — У них очень плохой вкус.

— Элиана, — сказал я. — Форма.

Она уже смотрела.

Не как раньше.

Вот это было важно.

Раньше Элиана увидела бы ровный проход, чистую линию, завершённую геометрию и сказала бы, что это хорошо. Может быть, не так прямо. Но внутри неё порядок всё ещё был родным языком.

Теперь она смотрела на порядок как на человека, которому однажды доверилась, а он подмешал яд в воду.

— Завершённая, — сказала она.

— Это плохо?

Она помолчала.

Раньше ответила бы сразу.

Теперь дала себе право не знать мгновенно.

И от этого стала сильнее.

— Да, — сказала она наконец. — Форма не оставляет нам права на ошибку.

Сенька осторожно поднял руку.

— А я, как представитель ошибок, должен уточнить: это прямо совсем плохо?

Элиана не посмотрела на него. Но уголок её губ едва заметно дрогнул.

— Живое без ошибки не двигается. Любое движение — это отклонение от предыдущего состояния. Любой выбор — нарушение равновесия. Эта форма не допускает отклонения.

— Значит, не дорога? — спросил я.

Она посмотрела в проход.

— Форма приговора.

Мне понравилось.

Нет, не понравилось. Ничего хорошего в форме приговора нет.

Но понравилось, что она это увидела.

Элиана была не рядом с нами.

Она была в узле.

— Горн, — сказал я. — Гильдия.

Он медленно повернулся ко мне.

— Что именно?

— Что это за проход?

Горн сжал губы.

Ему не хотелось отвечать.

Не потому что он хотел скрыть. А потому что иногда человек молчит не от лжи, а от того, что правда внутри него только что стала тяжелее.

Он подошёл к стене. Провёл пальцами по старому шву

между плитами. Потом по маленькому знаку, почти стёртому у основания ниши.

Гильдейская отметка.

Не декоративная.

Рабочая.

— Это не обычный проход, — сказал он.

— Я уже начал догадываться, — сказал Сенька.

Горн не отреагировал.

— Это согласователь.

Сенька закрыл глаза.

— Можно без слов, за которые хочется дать по голове учебником?

Горн устало посмотрел на него.

— Место, где разные восприятия приводили к одному решению.

Элиана медленно нахмурилась.

— Для учебных групп?

— Да. Ученики входили с разными типами чувствительности. Структура выравнивала восприятия, чтобы группа принимала единое решение.

— Звучит полезно, — сказала она.

Горн посмотрел на проход.

— Было бы полезно, если бы решение оставалось человеческим.

Я уже понял.

Но дал ему договорить.

Пусть сам.

Горн сказал глухо:

— Станция научилась согласовывать не нас. Она согласовывает наши ошибки.

Тишина стала плотнее.

Не станционная.

Наша.

Та, в которой люди понимают, что перед ними не просто ловушка, а чужая логика, достаточно умная, чтобы выглядеть полезной.

Я опустил кулак.

Медленно.

Узел не распался.

Он остался собранным.

Я смотрел в проход и складывал картину.

Контур говорил: чисто.

Лиска говорила: страх держит на месте и ждёт, когда мы поверим в правильность.

Мишка говорил: карта совпадает, потому что место подделывает доказательства.

Сенька говорил: эхо не исчезло, оно ждёт.

Гвоздь говорил: пол держит, но не помнит.

Дарен говорил: боковой путь не закрыт, закрыта мысль о нём.

Сила говорил: паника снята, как лишняя деталь.

Элиана говорила: форма не оставляет права на ошибку.

Горн говорил: это согласователь, который теперь согласовывает ошибки.

Станция не хотела, чтобы мы спорили.

Это было хуже.

Спорят живые.

Спор — это трение. Разница. Неровность. Возможность свернуть, передумать, ошибиться, выругаться и всё-таки не умереть там, где тебе предложили умереть красиво.

Станция хотела, чтобы мы согласились.

Все.

Сразу.

Правильно.

А правильное согласие в неправильном месте — это ошейник.

— Мы не пойдём правильно, — сказал я.

Сенька нервно улыбнулся.

— Наконец-то приказ, который я понимаю.

— Мы пойдём живо.

— А это чем отличается?

— Если повезёт, узнаешь после.

— Ненавижу учебные ответы.

Я посмотрел на каждого.

— Слушайте. Нас пытаются выровнять. Не дать ошибиться. Не дать испугаться по-своему. Не дать карте сомневаться, звуку вернуться неправильно, весу лечь не туда, форме дрогнуть. Если мы войдём как одна правильная группа, нас

закроют как одну правильную дверь.

Лиска сжала кинжалы.

— А если как неправильная?

— Тогда у нас есть шанс.

Горн тяжело сказал:

— Согласователь будет сопротивляться.

— Пусть, — сказал я. — Он гильдейский. Значит, привык, что его уважают.

Сенька посмотрел на проход с новым интересом.

— А мы?

— А мы из Ямы, — сказала Лиска. — У нас с уважением перебои.

Элиана подняла подбородок.

— Я не из Ямы.

Лиска скосила на неё глаза.

— Уже поздно, леди. Вас видели с нами.

Элиана на мгновение замерла.

Потом сказала:

— Ужасная репутационная потеря.

— Зато живая, — сказал Сенька.

И вот это было хорошо.

Не шутка.

Не слова.

Неровность.

Станция не любила неровности.

Значит, неровности станут инструментом.

— Лиска, — сказал я. — Первый шаг. Не туда, куда тянет страх. И не туда, куда он запрещает. Между.

— Как обычно, — сказала она.

— Гвоздь. Второй. Положишь вес так, чтобы пол вспомнил, что он старый.

Гвоздь кивнул.

— Сенька. Говори.

Он оживился.

— Что именно?

— Лишнее.

Сенька замер.

Потом медленно расплылся в улыбке.

— Макар, я всю жизнь готовился к этому приказу.

— Я знаю. Поэтому страшно.

— Мишка. Карту не исправляй. Оставь ошибку.

Мишка побледнел.

— Специально?

— Да.

Для Мишки это было почти как попросить священника плюнуть на алтарь. Только полезнее.

Он кивнул. С трудом.

— Дарен. Держи мысль о боковом ходе. Не ищи его глазами.

— Уже.

Конечно уже.

— Сила. Верни нам немного своей паники.

Он посмотрел на меня так, будто я попросил его открыть дверь в горящий сарай и сказать “милости просим”.

— Своей?

— Своей. Живой. Не станционной.

Сила сглотнул.

— Попробую.

— Элиана. Нарушь форму.

Она посмотрела на меня.

Вот это ей было тяжелее, чем ударить врага.

— Как?

— Маленькой ошибкой. Такой, которую порядок не сможет сразу назвать хаосом.

Элиана медленно подняла руку. На пальцах появился тонкий знак. Не круг. Не линия. Что-то почти правильное.

Потом она намеренно оставила один край незамкнутым.

Её лицо стало таким, будто она наступила на собственное воспитание.

— Хорошо, — сказал я. — Горн.

Он выпрямился.

— Да?

— Протокол согласователя.

Он понял.

— Если произнести его, структура усилится.

— Поэтому произнесёшь и оборвёшь до конца.

Горн побледнел.

Для мастера Гильдии оборвать протокол было почти

неприличнее, чем прийти на Совет без мантии. А может, и хуже. Мантии у них, кажется, были священнее некоторых людей.

— Это нарушение, — сказал он.

— Да.

— Грубое.

— Надеюсь.

Горн посмотрел на проход.

Потом на нас.

Потом тихо сказал:

— Хорошо.

Вот тогда я понял, что он уже не просто связь с Гильдией.

Он стал частью узла.

Не потому что захотел.

А потому что разлом иногда делает с людьми хорошее через очень плохое.

Я снова поднял руку.

Кулаком.

Не чтобы остановить.

Чтобы начать.

— Идём, — сказал я. — Не ровно. Не красиво. Не правильно. Живо.

Лиска шагнула первой.

Её шаг был странный. Не вправо. Не влево. Не вперёд.

Он был как отказ от трёх очевидных смертей сразу.

Проход дрогнул.

Не камнем.

Понятием.

Место попыталось понять, куда она пошла, и на мгновение не успело.

Гвоздь сделал второй шаг.

Тяжело.

Медленно.

Не ударил ногой. Не проверил. Просто поставил вес так, как ставят балку на старую опору: с уважением и предупреждением.

Пол под ним еле слышно отозвался.

Не звуком.

Памятью.

Контур мигнул.

[Нагрузка закреплена частично]

Сенька вошёл третьим.

— Знаете, — сказал он громко, — я всегда считал, что если коридор слишком чистый, значит, его либо мыли, либо он сам съел грязь. И оба варианта мне не нравятся, потому что первый означает, что тут есть уборщик, а второй — что уборщик не выжил.

Эхо не вернулось.

Оно попыталось вернуться правильно.

После последнего слова.

Ровно.

С той же интонацией.

Но Сенька вдруг добавил:

— А ещё у Гвоздя лицо как у шкафа, который пережил развод.

Эхо споткнулось.

Гвоздь повернул голову.

— Что?

— Лишнее говорю! Приказ был!

Лиска коротко рассмеялась.

Не красиво.

Не мелодично.

Живо.

Проход дёрнулся сильнее.

Мишка шёл следом и смотрел на карту. Рука у него дрожала. На схеме линия центрального прохода сама хотела стать идеальной.

Мишка взял уголёк.

И испортил её.

Просто поставил маленькую кривую отметку там, где никакой отметки быть не должно.

Карта на мгновение выгнулась у него в руках.

Будто её обидели.

— Терпи, — прошептал Мишка. — Мы все терпим.

Дарен шёл рядом, но взгляд его был направлен не на стены. Он держал в голове боковой ход, которого проход не хотел признавать.

Я видел это Контуром как тонкую незамкнутую возмож-

ность. Не дверь. Не щель. Не путь.

Право на “иначе”.

Сила вошёл и начал дрожать.

Сперва я подумал, что станция его ломает.

Потом понял — нет.

Он сам.

Он возвращал нам человеческую дрожь.

Маленькую. Неровную. Собственную.

Не панику толпы.

Не внушённый ужас.

А нормальное живое знание: мы можем умереть, поэтому
будем внимательны.

Элиана сделала шаг, держа перед собой незавершённый
знак.

Форма прохода потянулась к нему, как голодный порядок
к последней ошибке.

Её пальцы дрогнули.

Я видел, как ей хочется замкнуть линию.

Исправить.

Довести.

Сделать красиво.

Правильно.

Безупречно.

Она не сделала.

— Хорошая девочка, — тихо сказала Лиска.

Элиана даже не повернулась.

— Ещё раз скажешь — нарушу форму твоего носа.

— Вот теперь ты точно наша, — сказал Сенька.

Горн вошёл последним передо мной.

Он начал протокол.

Старым гильдейским голосом.

Не тем, которым спорят. Тем, которым открывают архивы, закрывают дела и делают вид, что смерть была предусмотрена инструкцией.

— При согласовании разнородных восприятий группа обязана привести частные отклонения к единой...

Он остановился.

Слова повисли.

Проход ждал завершения.

Горн побелел.

Я видел, как тяжело ему молчать.

Гильдия внутри него требовала закончить фразу.

Станция требовала закончить фразу.

Воспитание требовало.

Протокол требовал.

Горн сжал зубы.

И сказал:

— Нет.

Одно слово.

Короткое.

Негильдейское.

Настоящее.

Проход треснул.

Не физически.

Форма треснула.

Вот тогда станция ударила.

Сначала она попыталась выровнять наши шаги.

Раз.

Два.

Три.

Все ноги вдруг захотели идти в одном ритме.

Гвоздь зарычал и нарочно сбил шаг.

Лиска скользнула между тактами.

Дарен вообще будто выпал из счета.

Потом станция потянулась к дыханию.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Элиана резко нарушила знак, и воздух вокруг неё зашёлся мелкой складкой.

Сила всхлипнул от настоящего страха, и этот всхлип сломал общий ритм лучше любой магии.

Потом станция взялась за тени.

Наши тени на полу начали тянуться в одну сторону. Становились одинаковыми. Одинаково длинными. Одинаково покорными.

Лиска бросила нож не в стену и не в пол.

В свою тень.

Не чтобы ранить.

Чтобы напомнить ей, кому она принадлежит.

Тень дёрнулась и стала кривой.

— Моя, — сказала Лиска. — Свою заведи.

Потом звук.

Я услышал, как мы все говорим одним голосом.

Не вслух.

Внутри.

Да.

Правильно.

Вместе.

Вперёд.

Согласовано.

Одобрено.

Я чуть не сделал следующий шаг.

Правильный.

Именно поэтому смертельный.

Контур вспыхнул резко.

[Внимание]

[Совместное восприятие перехвачено]

[Внешняя структура пытается заменить узел]

Заменить.

Не сломать.

Не разделить.

Пока ещё нет.

Сначала заменить.

Сделать из нас не живой узел, а правильную схему.

Я почувствовал, как внутри меня Контур тянется к порядку прохода. Ему тоже хотелось завершить анализ. Закрывать переменные. Выдать решение. Сделать красиво.

Плохой знак.

Когда инструмент хочет стать удобным для врага, инструмент надо ударить по рукояти.

Я остановился.

И сказал:

— Сенька.

— Что? — выдавил он.

Голос у него уже начал становиться не совсем его.

— Ещё лишнее.

Сенька судорожно вдохнул.

Станция давила.

Согласовывала.

Выравнивала.

Он открыл рот.

И сказал:

— Я однажды украл у Лиски сухарь и свалил на Мишку!

Мишка резко поднял голову.

— Что?!

Лиска повернулась медленно.

Очень медленно.

Даже станция, кажется, заинтересовалась.

— Когда? — спросила она.

— В прошлом месяце! — выпалил Сенька. — Но сейчас, возможно, не лучшее время для суда!

— Ты, — сказала Лиска очень тихо, — труп.

— Видите! — радостно сказал Сенька. — Паника вернулась!

Сила вдруг засмеялся.

Нервно.

Глупо.

Живо.

Мишка возмущённо ткнул угольком в карту и поставил ещё одну неправильную линию.

Гвоздь издал звук, похожий на то, как шкаф с разводом всё-таки решил жить дальше.

Даже Дарен улыбнулся.

Почти.

Элиана закрыла глаза на мгновение, будто просила у всех аристократических предков прощения за общество, в котором вынуждена выживать.

Горн выдохнул — не по протоколу.

И проход потерял ритм.

Живой узел не был ровным.

В этом и была его сила.

Ровное хорошо для печати.

Для пола.

Для крышки гроба.

Люди держатся иначе.

Мы прошли ещё три шага.

Потом ещё.

Проход попытался вернуть тишину.

Но было поздно.

Сенька бормотал извинения, которые больше вредили его будущему, чем помогали.

Лиска обещала убить его после выхода, но уже не прямо сейчас, что в нашей бригаде считалось почти милостью.

Мишка портил карту с лицом человека, который впервые понял, что ошибка может быть не провалом, а оружием.

Гвоздь заставлял пол помнить каждый шаг.

Дарен держал в голове невозможный боковой путь, и от этого стены перестали быть такими самоуверенными.

Сила вернул нам дрожь.

Элиана держала незамкнутую форму и не давала ей стать красивой.

Горн молчал там, где вся его гильдейская жизнь требовала закончить фразу.

А я шёл последним и держал Контур открытым.

Не как поводок.

Как сеть.

Не чтобы тянуть их за собой.

Чтобы не дать станции просунуться между нами.

В середине прохода стало холодно.

Нет.

Не холодно.

Пусто.

Та самая пустота, где место уже почти решило, что ты будешь его частью.

Контур показал на мгновение чужую схему.

Семь линий.

Семь ворот.

Семь способов смотреть.

И над ними — центральная связка.

Не дверь.

Не коридор.

Узел.

Только мёртвый.

Гильдейский.

Согласованный.

Удобный.

Я увидел, как станция хотела нас туда вписать.

Лискин страх — в первый канал.

Мишкину карту — во второй.

Сенькин слух — в третий.

Гвоздя — в опорный.

Дарена — в боковое подавление.

Силу — в эмоциональное выравнивание.

Элиану — в форму.

Горна — в протокол.

Меня — в Контур.

Красиво.

Чисто.

Без лишнего.

Без живого.

Я улыбнулся.

Плохо, наверное.

Сенька потом сказал бы, что у меня в такие моменты лицо человека, который нашёл в супе гвоздь и решил, что это знак судьбы.

— Не выйдет, — сказал я.

Проход не ответил.

Но камень вокруг стал внимательнее.

— Ты ошиблась, — сказал я станции. — Или ошибся. Или ошиблось. Не знаю, как правильно обращаться к месту, которое слишком долго притворялось учебным.

Горн тихо сказал:

— Макар...

— Нет, пусть слушает.

Я остановился на последней плите перед выходом.

Все уже почти прошли.

Я всё ещё был внутри.

Контур дрожал, но держался.

— Узел не держат на одном человеке, — сказал я. — Потому что тогда это не узел. Тогда это поводок.

Я посмотрел на линии, которые видел только я.

— А поводок ты бы дёрнула первым.

Стены молчали.

Но тишина больше не была воспитанной.

Она была злой.

Хорошо.

Злая тишина честнее.

Я сделал последний шаг.

Пол подо мной попытался не помнить.

Гвоздь, уже снаружи прохода, резко ударил пяткой по плите.

— Помни, — сказал он.

Плита отозвалась.

Тяжело.

Старо.

Настояще.

Я вышел.

И проход за нами стал обычным.

Слишком быстро.

Слишком спокойно.

Как человек, который спрятал нож и делает вид, что пришёл поговорить о погоде.

Мы стояли в следующей зале.

Небольшой.

Круглой.

Без украшений.

Семь старых ниш по стенам.

Семь потемневших знаков над ними.

И в центре — пустое место.

Не пьедестал.

Не печать.

Просто место, где что-то когда-то стояло так долго, что пространство до сих пор стеснялось признаться в его отсутствии.

Мишка посмотрел на карту.

Потом на залу.

— Этого помещения нет.

— Конечно, — сказал Сенька. — А мы в нём есть. При-
ятно, когда все стараются.

Лиска убрала один кинжал.

Второй оставила.

— Не нравится мне центр.

— Мне тоже, — сказал я.

— Почему?

Я посмотрел Контуром.

И впервые за долгое время Контур не дал строки сразу.

Он будто собирал язык.

Потом на стене напротив нас проступили буквы.

Не светом.

Не кровью.

Не красивой магией.

Просто камень вспомнил, что на нём когда-то было напи-
сано.

И написал снова.

СОВМЕСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБНАРУЖЕНО.

Горн побледнел так, что даже Сила посмотрел на него с сочувствием.

Вторая строка появилась ниже.

Медленнее.

Тяжелее.

Будто станция писала не приказ, а приговор.

УЗЕЛ ПОДЛЕЖИТ РАЗДЕЛЕНИЮ.

Сенька прочитал вслух.

Потом тихо сказал:

— Может, скажем, что мы не узел? Просто мимо шли, плохая компания, документы дома забыли?

Никто не засмеялся.

Даже Лиска.

Я смотрел на надпись.

Вот теперь станция перестала притворяться учебной.

Она больше не проверяла страх.

Не карту.

Не слух.

Не вес.

Не боковой ход.

Не форму.

Она нашла главное.

Не меня.

Не Лиску.

Не Элиану.

Даже не Контур.

Нас.

А когда плохое место понимает, что держит людей вместе, оно первым делом учится разжимать пальцы.

Глава 5. Разделение узла

Надпись на стене не исчезала.

СОВМЕСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБНАРУЖЕНО.

Ниже, чуть темнее, будто камень сам не любил вторую строку:

УЗЕЛ ПОДЛЕЖИТ РАЗДЕЛЕНИЮ.

Сенька смотрел на буквы с таким выражением, будто они лично попросили у него денег и не собирались возвращать.

— Может, — сказал он, — мы скажем, что произошла ошибка? Мы не узел. Мы временное недоразумение с плохой организацией и спорной репутацией.

Он попытался улыбнуться.

Не вышло.

И вот это мне не понравилось больше, чем сама надпись.

Сенька всегда улыбался там, где нормальные люди вспоминали завещание. Не потому что был глупым. Глупые в Яме долго не жили, если только не были чьими-то родственниками с тяжёлым характером. Сенька улыбался, потому что звук, слово, глупость, вовремя сказанная дрянная шутка — всё это было способом оставить себя живым.

А сейчас шутка не зацепилась.

Она упала.

Не на пол.

Куда-то между нами.

И не отозвалась.

Я посмотрел в центр круглой залы.

Там ничего не было.

И именно это ничего держало комнату лучше любой колонны.

Пустое место не выглядело как дверь. Не было ни рамы, ни печати, ни знака прохода. Просто круглая середина зала, слегка темнее камня вокруг. Пыль там лежала тоньше. Не потому что её смели. Потому что, казалось, она не решалась падать до конца.

Семь ниш по стенам молчали.

Семь потемневших знаков над ними тоже молчали.

Но тишина уже не была той аккуратной, вежливой тишиной из прошлого прохода.

Эта тишина была рабочей.

Так молчит мастер перед тем, как ударить по шву.

Только мастер был не человек.

И шов искал не в камне.

Во мне.

В нас.

Я поднял руку.

Высоко.

Кулаком.

Бригада остановилась.

Но впервые с тех пор, как мы вошли в станцию, они остановились не вместе.

Каждый — у себя.

Лиска стояла близко. На расстоянии вытянутой руки. Но её взгляд уже был не с нами. Он ушёл куда-то влево, к одной из ниш, где тень лежала слишком тонко и слишком правильно.

Мишка смотрел в карту так, будто бумага сказала ему что-то обидное, но убедительное.

Сенька повернул голову, прислушиваясь к звуку, которого не слышал никто другой.

Гвоздь опустил плечи и будто стал тяжелее. Не больше — тяжелее. Как будто весь зал положил на него ладонь.

Дарен смотрел не на пустой центр, а на место между двумя нишами. Там ничего не было. Именно поэтому он смотрел.

Сила побледнел.

Не резко.

Постепенно.

Будто кто-то медленно выливал из него кровь, заменяя её чужим спокойствием.

Элиана застыла у линии круга. Её пальцы едва заметно двигались, вычерчивая в воздухе форму, которую она сама ещё не разрешила себе признать.

Горн смотрел на надпись.

И я видел: он её понимает.

Не весь смысл.

Хуже.

Он узнаёт язык.

Я держал кулак.

Обычно этого хватало.

Не чтобы подчинить.

Чтобы собрать.

Кулак означал: стой. Слушай. Не верь первому впечатлению. Не будь героем в одиночку, потому что одиночные герои удобны для похоронных речей.

Но сейчас кулак только остановил тела.

Связи продолжали расходиться.

Контур ожил.

Не на стенах.

Не на полу.

Не в пустом центре.

На нас.

[Контур: активен]

[Объект анализа: группа]

Я замер.

Группа.

Раньше Контур показывал мне, где ломается камень.

Потом — где врёт пространство.

Потом — где пол слишком старательно притворяется полом.

Теперь он показывал нас.

[Связи восприятия: нестабильны]

[Внешнее воздействие: направлено не на тела]

[Цель воздействия: раздельная фиксация каналов]

[Риск: распад узла]

У меня внутри стало холодно.

Не от станции.

От понимания.

Разлом не пытался нас разнести по комнатам.

Он разносил нас по правоте.

— Макар? — тихо сказала Лиска.

Голос был её.

Но в нём было что-то лишнее.

Не страх.

Приглашение.

— Никто не двигается, — сказал я.

Слова вышли жёстко.

Слишком.

Контур тут же вспыхнул.

[Внимание]

[Централизация узла]

[Риск: превращение лидера в единственную опору]

Я сжал зубы.

Вот ведь умная дрянь.

Если я сейчас прикажу — они останутся.

И станция выигрывает.

Потому что узел, который держится только на приказе,
уже не узел.

Это поводок.

А разломы умеют дёргать поводки.

Я медленно опустил руку, но кулак не разжал.

— Контур показывает не стены, — сказал я.

Сенька повернул голову ко мне. С трудом. Будто его кто-то звал с другой стороны.

— А что? — спросил он.

— Нас.

Мишка поднял взгляд.

Гвоздь чуть нахмурился.

Элиана перестала чертить пальцами.

— Связи между нами расходятся, — сказал я. — Не шаги. Не тела. Восприятия.

Горн выдохнул сквозь зубы.

— Раздельная фиксация каналов.

— По-человечески, — сказал Сенька хрипло.

Горн посмотрел на него.

— Нас хотят заставить каждому поверить своему чувству отдельно.

— А раньше мы что делали? — спросила Лиска.

— Раньше ты приносила чувство в узел, — сказал я. — Теперь чувство хочет увести тебя из него.

Она не ответила.

Потому что уже знала.

Лиска всегда знала про страх раньше, чем соглашалась это признать.

Я снова поднял кулак.

Не выше.

Не сильнее.

Иначе.

— Говорим, — сказал я. — Как раньше. Только теперь слушаем не то, кто прав. Правы будете все.

Сенька поморщился.

— Вот теперь точно страшно.

— Слушаем, кому правда предлагает остаться одному.

Я повернулся к Лиске.

— Страх.

Лиска посмотрела влево.

Туда, где ниша была почти обычной. Узкая, тёмная, с истёртым знаком над ней. Никакой фигуры. Никакого движения. Просто место, куда можно было шагнуть, если очень хотелось поверить, что ты сама выбрала.

— Он показывает выход, — сказала она.

— Страх?

— Да.

— Куда?

Она медленно повернула кинжал в пальцах.

Лезвие поймало серый свет, которого в зале почти не было.

— Для меня — туда.

— А для нас?

Лиска замолчала.

Слишком долго.

Потом сказала:

— Не знаю.

Вот это было страшно.

Не то, что она видела выход.

Не то, что страх говорил.

Страшно было то, что Лиска, которая всегда читала, куда побегут люди, теперь видела только свой путь.

Один.

Чёткий.

Убедительный.

— Он хороший? — спросил я.

Она усмехнулась, но вяло.

— Страх не бывает хорошим.

— Лиска.

Она сжала рукоять.

— Он правильный. Вот что хуже. Если я пойду туда, я выживу.

Сенька тихо сказал:

— А мы?

Она резко посмотрела на него.

И ничего не сказала.

Потому что станция дала ей правду.

Личную.

Точную.

Смертельную, если нести её одной.

— Мишка, — сказал я. — Карта.

Мишка не хотел отвечать.

Это было видно.

Он смотрел на бумагу так, как смотрят на старшего родственника, который всю жизнь был неприятным, а потом вдруг оказался прав.

— Она разделилась, — сказал он.

— Покажи.

Он развернул карту.

Линии, которые раньше вели к центральному залу, теперь расходились.

Не хаотично.

Не ломано.

Красиво.

Каждая линия шла к своей нише.

К страху.

К голосу.

К опоре.

К форме.

К протоколу.

К пустоте сбоку.

К карте.

И ещё одна — тонкая, почти невидимая — к центру.

Моя.

Слишком удобная.

— Она говорит, что вместе мы не выйдем, — сказал Мишка.

Сенька резко повернулся.

— Карта не говорит.

Мишка не оторвал глаз от бумаги.

— Эта говорит.

— И что именно?

— Что если мы распределимся по нишам, центральный контур откроется без обрушения.

Горн вздрогнул.

Элиана посмотрела на карту.

Я видел, как она считает форму. И как часть её хочет признать: да, правильно. Семь точек. Центр. Распределение нагрузки. Стабилизация. Чистая схема.

Чистые схемы иногда опаснее грязных ножей.

Нож хотя бы не притворяется учебным пособием.

— А если нет? — спросил я.

Мишка сглотнул.

— Тогда узел создаст резонанс. И зал нас раздавит.

— Карта уверена?

Он тихо ответил:

— Очень.

Я кивнул.

— Значит, ей нельзя верить одной.

Мишка посмотрел на меня почти с болью.

— Но она права.

— Я знаю.

Вот это было хуже всего.

Если бы станция лгала, было бы легче.

Ложь можно поймать.

Правда опаснее.

Особенно когда её дают каждому отдельно.

— Сенька, — сказал я. — Звук.

Он не хотел.

Сенька, который обычно первым лез в разговор, теперь смотрел в сторону ниши справа и молчал.

— Сенька.

Он вздрогнул.

— Там кто-то есть.

— Где?

— В стороне, которой нет.

Дарен медленно повернул голову.

— Что говорит?

Сенька облизнул губы.

— Зовёт.

— Кого?

Он попытался улыбнуться.

Опять не вышло.

— Меня. Представляешь, наконец-то у кого-то сомнительный вкус.

Лиска сделала шаг к нему, но остановилась.

— Чей голос?

— Не знаю.

— Врёшь.

— Не знаю! — резко сказал Сенька.

Эхо не ответило.

И это было неправильно.

Сенька сам услышал, как резко сказал, и побледнел.

Потом тише добавил:

— Он не похож на одного человека. Он... как будто из всех, кому я когда-то не ответил. Не спас. Не услышал вовремя. Не понял, что зовут.

В зале стало теснее.

— Что хочет? — спросил я.

Сенька смотрел в нишу.

— Чтобы я ответил. Один. Если я не отвечу, он останется без голоса.

— А если ответишь?

— Тогда, может, вернёт.

— Кому?

Сенька закрыл глаза.

— Вот это он не говорит.

Хорошо.

Нет.

Плохо.

Но хорошо, что Сенька всё ещё слышал дырку в правде.

— Гвоздь, — сказал я. — Вес.

Гвоздь стоял неподвижно.

Слишком неподвижно даже для себя.

— Если уйду, рухнет, — сказал он.

— Что рухнет?

— То, что держит нас сейчас.

— Зал?

Он покачал головой.

— Нет. Не зал. Положение.

Сенька тихо пробормотал:

— Очень люблю, когда Гвоздь начинает говорить загадками. Сразу хочется жить в простом мире, где меня быют обычной палкой.

Гвоздь не обратил внимания.

— Подо мной точка. Не опора. Замок. Если я уйду, вес пойдёт вниз.

— Ты уверен? — спросила Элиана.

Гвоздь посмотрел на пол.

— Вес уверен.

Для Гвоздя это было больше, чем “я думаю”.

Он мог ошибиться в словах.

В людях — иногда.

В шутках Сеньки — почти всегда.

Но вес для него был языком честнее любого протокола.

И станция дала ему правду.

Останься.

Держи.

Будь опорой.

Один.

— Дарен, — сказал я. — Бок.

Дарен уже смотрел туда, куда не следовало.

Между двумя нишами была стена.

Простая.

Серая.

Без трещин.

Без знака.

Но рядом с ней воздух был чуть свободнее. Не глазами. Нутром чувствуешь: там есть возможность, которую место ещё не успело назвать.

— Есть выход, — сказал Дарен.

— Где?

— Там, где никто не должен идти за мной.

Лиска резко усмехнулась.

— Удобно.

Дарен не обиделся.

— Именно.

— Он настоящий?

— Да.

— Ловушка?

Дарен помолчал.

— Тоже да.

Сенька поднял палец.

— Мне нравится, когда ответ сразу экономит время и надежду.

Дарен продолжал смотреть в стену.

— Если я пойду один, я выйду из зала.

— А мы?

— Останетесь там, где вас правильно распределят.

— А если мы пойдём за тобой?

— Ход исчезнет.

— Почему?

Дарен наконец посмотрел на меня.

— Потому что он не путь. Он отказ. Но станция предлагает мне отказаться одному.

Вот.

Это уже было ближе.

Дарен всё ещё был с нами.

Пока человек может назвать приманку приманкой, он ещё не проглочен.

— Сила, — сказал я. — Паника.

Сила обхватил себя руками.

Ему было плохо.

Не так, как раньше, когда паника была подложенная, чужая, как грязная тряпка на лице. Сейчас она была настоящая.

Но слишком сжатая.

Слишком собранная в одном месте.

В нём.

— Если я её не заберу, она ударит по всем, — сказал он.

— А если заберёшь?

— Тогда только по мне.

Лиска резко сказала:

— Даже не думай.

Он посмотрел на неё устало.

— Я уже думаю.

— Перестань.

— Не умею.

Его голос дрогнул.

И я понял, почему станция так легко нашла к нему путь.

Сила всю жизнь был тем, кто чувствовал, когда другим плохо. Когда страх уже не просто страх, а зараза. Когда толпа сейчас сорвётся. Когда один крик станет десятью.

И теперь ему предложили привычное:

забери в себя.

Выдержи.

Стань мягкой стеной.

Один.

— Элиана, — сказал я. — Форма.

Она стояла очень прямо.

Слишком прямо.

На её лице было то выражение, которое я уже начинал ненавидеть: когда умный человек видит красивое решение и понимает, что именно красота делает его опасным.

— Форма требует распределения, — сказала она.

Лиска повернулась.

— Требуется?

Элиана побледнела.

— Да. И самое неприятное — она права.

— Объясни, — сказал я.

Она подняла руку.

В воздухе тонкими линиями появилась схема зала.

Семь ниш.

Центр.

Линии между ними.

Почти та же картина, что у Мишки на карте, но не бумажная. Чистая. Воздушная. Холодная.

— Если каждый канал восприятия занять отдельной точкой, напряжение центральной структуры снизится. Форма станет устойчивой. Центральный контур откроется.

— А мы? — спросила Лиска.

Элиана долго молчала.

— Мы станем частью формы.

— Живыми?

Элиана опустила руку.

Схема погасла.

— Форма на это не отвечает.

Сенька тихо сказал:

— Когда форма не отвечает, обычно отвечает Гвоздь. И мне больше нравится второй вариант.

Гвоздь не улыбнулся.

Но, кажется, слышал.

— Горн, — сказал я. — Протокол.

Горн стоял у стены.

Его лицо было серым.

Не от страха.

От узнавания.

— Говори, — сказал я.

— При угрозе резонансного узла группа должна быть разделена по каналам восприятия, — сказал он глухо. — Каждый канал закрепляется в собственной точке стабилизации. Центральный мастер удерживает контур до завершения согласования.

Сенька прошептал:

— Конечно. Гильдия всегда знает, как сделать хуже красиво.

Горн не спорил.

И от этого стало ещё хуже.

— Протокол настоящий, — сказал он.

— Старый? — спросила Элиана.

— Очень.

— Для чего?

Горн посмотрел в пустой центр.

— Для учебных станций, работающих с малыми фрагментами разломов.

— Малыми? — спросила Лиска.

Горн не ответил.

Я ответил за него:

— Когда маленькая беда долго учится, она перестаёт быть маленькой.

Горн закрыл глаза.

— Мы думали, что разделение снижает риск взаимного

заражения восприятий.

— А на самом деле? — спросил Сенька.

Горн открыл глаза.

— На самом деле станция научилась использовать разделение как способ хранения людей.

Сила тихо выругался.

Даже Элиана не сделала вид, что не слышала.

Я посмотрел на всех.

Теперь картина была полной.

И отвратительной.

Станция не врала нам одинаково.

Она говорила каждому правду.

Но такую, которую нельзя было нести одному.

Лиске — ты можешь выйти страхом.

Мишке — карта честно показывает разделение.

Сеньке — голос погибнет, если ты не ответишь.

Гвоздю — только ты держишь вес.

Дарену — только один отказ сохраняет выход.

Силе — только ты можешь забрать панику.

Элиане — форма действительно стабилизирует.

Горну — протокол настоящий.

Мне — центр ждёт Контур.

Всё правильно.

Каждый прав.

И всё вместе ведёт к смерти.

Не быстрой.

Не с криком.

Гильдейской.

Аккуратной.

С печатью и пояснительной запиской.

Ниши начали светлеть.

Не светом.

Присутствием.

Левая, где Лиска видела выход страха, стала глубже.

На карте Мишки линии потянулись к своим точкам.

У Сеньки дрогнули губы, будто он уже почти готов был ответить голосу.

Под ногами Гвоздя камень темнел, принимая его как якорь.

Стена возле Дарена стала мягче для взгляда.

Воздух вокруг Силы сжался.

Перед Элианой начала проступать идеальная распределительная форма.

Рядом с Горном на камне выступили старые гильдейские слова.

А в центре пустота стала ждать меня.

Не звать.

Ждать.

Это хуже.

Зов можно отвергнуть.

Ожидание делает вид, что ты уже согласился.

Я почти сказал:

“Назад.”

Команда была готова.

Простая.

Жёсткая.

Правильная.

И именно поэтому я её не произнёс.

Контур дрожал предупреждением.

[Централизация узла: критический риск]

[Единственная опора: уязвима]

[Рекомендация: распределить решение]

Распределить решение.

Вот теперь ты заговорил по-человечески.

Почти.

— Слушайте меня, — сказал я.

Все повернулись.

Не сразу.

Каждому пришлось вынырнуть из своей правды.

— Не отказывайтесь от того, что видите, — сказал я. —

Просто не верьте этому в одиночку.

Лиска нахмурилась.

— Это как?

— Как всё у нас. Неприятно, криво и, возможно, без похорон.

Сенька слабым голосом сказал:

— Обнадёживает.

— Лиска, — сказал я. — Не говори, куда должен идти

твой страх. Скажи, куда страх хочет отправить Дарена.

Она резко повернулась к Дарену.

На мгновение её лицо стало злым.

Не на него.

На станцию.

Злость хороша, если она возвращает человека обратно.

— Влево, — сказала она. — К его ходу. Страх не гонит меня. Он подсовывает ему одиночество как выход.

Дарен кивнул.

— Значит, мой ход — приманка.

— Настоящая, — сказала Лиска.

— Тем хуже.

Я повернулся к Дарену.

— Боковой путь, который не выдерживает свидетеля, нам не подходит.

— Да, — сказал Дарен.

И стена возле него стала чуть менее мягкой.

— Мишка, — сказал я. — Не черти линии. Черти, где они отказываются встречаться.

Мишка сглотнул.

— Они не отказываются.

— А что?

Он посмотрел на карту внимательнее.

Уголь в его руке дрожал.

Потом он поставил точку между линиями.

Не на маршруте.

Между.

— Их стыдят встречаться, — сказал он.

Сенька моргнул.

— Это карта или дворянский бал?

Элиана сухо сказала:

— На дворянском балу линии хотя бы лгут изящнее.

Мишка поставил ещё одну точку.

И ещё.

— Здесь, здесь и здесь. Если соединить не пути, а места, где они почти пересекаются...

Он быстро провёл кривую линию.

Карта попыталась выпрямить её.

Мишка прижал уголёк сильнее.

— Не смей, — прошептал он бумаге.

Линия осталась кривой.

Живой.

— Сенька, — сказал я. — Голос. Не отвечай ему один. Повтори нам, что он говорит.

Сенька побледнел ещё сильнее.

— Не хочу.

— Я тоже много чего не хочу. Например, быть центральной частью гильдейской мясорубки.

— Убедил.

Он повернулся к нише.

Слушал.

Долго.

Потом заговорил чужими словами, но своим голосом:

— “Ответь. Если не ответишь, я останусь в тишине. Ты всегда слышал поздно. Теперь можешь услышать вовремя.”

Лиска тихо сказала:

— Гадость.

— Это правда, — сказал Сенька.

— Может быть, — ответила она. — Но говорит гадость.

Элиана посмотрела на нишу.

— Форма голоса неполная.

Сенька резко повернулся к ней.

— Что?

— Он требует ответа, но не имеет источника, который сможет принять его. Это не просьба. Это крючок.

Сенька выдохнул.

Как будто его отпустили на один палец.

— Значит, я не обязан?

— Ты обязан не быть дураком, — сказала Лиска.

— Это слишком сложное обязательство.

— Справишься потом. Сейчас просто не иди.

Он кивнул.

Ниша с голосом потемнела.

Не угасла.

Но потеряла уверенность.

— Гвоздь, — сказал я. — Ты не держишь всё один.

— Вес подо мной.

— Перенеси.

Он посмотрел на меня.

— На кого?

— На нас.

Гвоздь нахмурился.

— Люди не опоры.

— Ещё какие, — сказал Сенька. — Особенно если сесть кому-нибудь на шею.

Гвоздь проигнорировал его, но мысль услышал.

Он медленно поднял одну ногу.

Камень под ним сразу пошёл вниз.

Не физически.

По ощущению.

У всех внутри что-то просело.

Сила охнул.

Элиана шагнула ближе.

Лиска тоже.

Дарен сместился так, чтобы не закрыть, а принять.

Мишка поставил на карте точку под ногами Гвоздя и соединил её с нами.

— Теперь, — сказал я.

Гвоздь поставил ногу не назад.

Вбок.

Чуть ближе к нам.

Вес, который станция хотела оставить под ним одним, дрогнул и разошёлся.

Не исчез.

Разделился.

На плечи.

На дыхание.

На общий шаг.

— Тяжело, — сказал Сенька.

— Живой, значит, — ответил Гвоздь.

Пол под ним перестал темнеть.

— Сила, — сказал я. — Не забирай панику. Раздай.

Он посмотрел на меня с ужасом.

— Паника убивает, если её раздать.

— Чужая — да. Своя предупреждает.

— Я не умею.

— Уже умеешь. Просто раньше называл это “мне плохо”.

Он почти улыбнулся.

Почти.

Потом закрыл глаза.

И страх вернулся.

Не как волна.

Как сеть мелких дрожаний.

У Лиски дрогнули пальцы.

У Мишки — угол карты.

Сенька тихо выругался.

Элиана вдохнула глубже.

Горн сжал челюсть.

Я почувствовал свою часть.

Маленькую.

Настоящую.

Моё тело снова вспомнило, что не обязано быть спокойным рядом с местом, которое хочет сделать из нас мебель.

Хорошо.

Живые боятся.

Мёртвые обычно уже дисциплинированнее.

— Элиана, — сказал я. — Форма связи. Не распределения.

Она смотрела на свои линии.

Семь точек.

Центр.

Идеальное разделение.

Ей было больно.

Не телом.

Воспитанием.

Порядок внутри неё требовал признать схему.

Схема была верной.

И именно поэтому её надо было испортить.

— Форма связи будет нестабильной, — сказала она.

— Да.

— Некрасивой.

— Скорее всего.

— С внутренними противоречиями.

— Мы в курсе. У нас Сенька.

— Эй.

Элиана впервые за всю залу улыбнулась.

Очень коротко.

Потом подняла руку.

Семь точек в воздухе дрогнули.

Она не соединила их с центром.

Она соединила их между собой.

Не ровно.

Не симметрично.

Линии пересекались. Где-то слишком остро. Где-то почти рвались. Одна линия обошла пустое место по дуге, как человек, который не хочет здороваться с неприятным родственником.

Форма была неправильной.

Живой.

— Это ужасно, — сказала Элиана.

— Работает? — спросил я.

Она посмотрела на линию.

— Да.

— Значит, красиво потом.

Лиска фыркнула.

— Леди учится плохому.

— Леди учится выживать, — сказала Элиана.

И это было лучше любой правильной формы.

— Горн, — сказал я. — Протокол.

Он стоял перед гильдейской надписью, проступившей на камне.

Я видел, как слова тянут его.

Не магией.

Привычкой.

Привычка — один из самых сильных видов магии. Особенно если её с детства называют долгом.

— Он настоящий, — сказал Горн.

— Я знаю.

— Он создавался для защиты групп.

— Я знаю.

— Его нельзя просто отвергнуть.

— Тогда не отвергай. Скажи, где он неполный.

Горн посмотрел на меня.

И вот тут что-то в нём переломилось.

Не сломалось.

Переломилось правильно.

Как ржавая скоба, которую наконец сняли с живой двери.

Он повернулся к надписи и произнёс:

— При угрозе резонансного узла группа должна быть разделена по каналам восприятия...

Слова зазвучали сильнее.

Ниши вспыхнули.

Центр потемнел.

Горн продолжил:

— ...если отсутствует механизм взаимной коррекции восприятий.

Гильдейская надпись дрогнула.

— В старом протоколе этой строки нет, — сказала Элиа-

на.

— Теперь есть, — сказал Горн.

И провёл рукой по камню, перечёркивая часть старого текста.

Не магией.

Решением.

Гильдейский знак зашипел пылью.

Сенька тихо сказал:

— Кажется, мастер только что нагрубил собственной Гильдии.

— Не нагрубил, — ответил Горн. — Исправил.

— Это у вас так называется?

— Теперь да.

И вот тогда зал ударил.

Ниши раскрылись.

Не как двери.

Как предложения.

Каждая стала глубже. Ближе. Личнее.

Лиска увидела свой выход.

Мишка — место, где карта станет абсолютной.

Сенька — голос, который наконец ответит ему.

Гвоздь — опору, которая примет весь вес.

Дарен — ход без свидетелей.

Сила — точку, где можно забрать панику и не дать ей ударить по другим.

Элиана — форму, которая будет безупречной.

Горн — протокол, который снимет с него вину, потому что “так было положено”.

А я увидел центр.

Место для Контура.

Для меня.

Не трон.

Не алтарь.

Рабочее место.

Вот чем станция была по-настоящему опасна.

Она не обещала власть.

Не обещала спасение.

Она обещала функцию.

Стань центром.

Удержи.

Зафиксируй.

Пусть остальные займут свои места.

Правильно.

Без споров.

Без живой грязи.

Без Сенькиных лишних слов, Лискиной злости, Мишкиных кривых линий, Гвоздевой тяжёлой честности, Дареновой тишины, Силиной дрожи, Элианиной новой неправильной формы и Горнового стыда.

Стань мастером.

Один.

Контур вспыхнул.

[Центральная позиция доступна]

[Вероятность стабилизации при принятии: 68%]

[Риск для внешних каналов: не определён]

Я почти засмеялся.

Шестьдесят восемь процентов.

Хорошие шансы.

Очень хорошие.

Если не спрашивать, что именно стабилизируется и кто после этого останется человеком.

— Макар, — сказала Лиска.

Её голос был далеко.

Хотя она стояла рядом.

Вот теперь станция почти добилась своего.

Она не раздвинула стены.

Она раздвинула нас внутри.

Я посмотрел на центр.

Пустота ждала.

Контур тянулся к ней.

Не потому что хотел предать.

Потому что Контур был инструментом анализа. А центр обещал данные. Структуру. Понимание. Ответ.

Инструменты любят ответы.

Люди должны иногда мешать своим инструментам становиться слишком послушными.

Я сжал кулак.

Не поднял.

Просто сжал.

Больно.

Ногти вошли в ладонь.

Живое ощущение.

Моё.

Не станционное.

— Нет, — сказал я.

Центр не дрогнул.

Он не привык к тому, что ему отказывают без объяснений.

Я объяснил.

Не из вежливости.

Чтобы мои тоже слышали.

— Я не стану центром, который держит вас по местам.

Сенька выдохнул.

Лиска медленно повернулась ко мне.

Мишка оторвался от карты.

Гвоздь поднял голову.

Дарен перестал смотреть в свой ход.

Сила открыл глаза.

Элиана опустила руку, но её неправильная форма осталась висеть в воздухе.

Горн отвернулся от протокола.

— Узел не держат на одном человеке, — сказал я. — Мы это уже проходили.

Сенька хрипло добавил:

— И, кажется, даже выжили. Пока спорно, но тенденция

приятная.

— Ниши предлагают вам правду, — сказал я. — Не спорю. Лиска, твой выход настоящий. Мишка, карта права. Сенька, голос есть. Гвоздь, вес под тобой. Дарен, ход открыт. Сила, паника ударит. Элиана, форма стабилизирует. Горн, протокол настоящий.

Они смотрели на меня.

Каждый держал свою правду.

И впервые за эту залу — не один.

— Но правда, которую нельзя принести к своим, — сказал я, — это не правда. Это крючок.

Лиска первой сделала шаг.

Не к своей нише.

К Дарену.

— Твой ход воняет одиночеством, — сказала она.

Дарен кивнул.

— А твой страх слишком уверен.

— Значит, оба не берём.

— Значит, ищем третий отказ.

Мишка быстро провёл новую линию по карте.

— Здесь.

— Там стена, — сказал Сенька.

— На карте — да. По пересечению отказов — нет.

— Обожаю фразы, после которых хочется остаться дома.

Гвоздь шагнул ближе.

— Вес можно перенести туда.

— Стена выдержит? — спросила Элиана.

Гвоздь посмотрел.

— Нет.

— Тогда почему...

— Нам не надо, чтобы она выдержала. Нам надо, чтобы она признала, что не может держать ложь.

Элиана медленно повернулась к стене между нишами.

К той самой, где Дарен видел невозможность.

Она подняла свою неправильную форму.

— Если не распределять каналы, а связать точки отказа...

Горн закончил за неё:

— Центральный согласователь потеряет основание для разделения.

Сенька поднял руку.

— Я понял только слово “потеряет”, и оно мне нравится.

Сила сжал зубы.

— Паника пойдёт, когда мы двинемся.

— Пусть идёт, — сказала Лиска. — Только не в одного.

Он кивнул.

— Тогда всем будет страшно.

— Прекрасно, — сказал я. — Наконец-то честное чувство.

Мы пошли.

Не к нишам.

Не к центру.

К месту, которого не должно было быть как пути.

Станция сразу попыталась нас исправить.

Лискин страх рванул её влево.

Она зарычала и схватила Дарена за рукав.

— Не потому что боюсь, — сказала она.

— Конечно, — ответил он.

— Убью.

— После.

Мишкина карта начала выпрямлять новую линию к нишам. Он ударил по ней ладонью.

— Нет.

Бумага треснула по краю.

Но линия осталась.

Сенькин голос позвал его снова.

Теперь уже ближе.

— Ответь...

Сенька побледнел.

Элиана резко сказала:

— При свидетелях.

Сенька сглотнул и крикнул в нишу:

— Если тебе есть что сказать — говори всем! У нас тут, к сожалению, собрание!

Голос оборвался.

Потому что не хотел всех.

Он хотел одного.

Значит, не просьба.

Крючок.

Гвоздь шёл тяжело, распределяя вес. Пол под ним пытался провалиться только в одной точке, но он переносил на грузку шагом, плечом, дыханием, даже паузой.

Я впервые видел, как человек может держать не камень, а движение.

Дарен держал боковой ход открытым не для себя.

Это было трудно.

Его дар, его привычка, вся его жизнь знали: выживает тот, кто видит выход, пока другие смотрят на дверь.

А теперь он держал выход так, чтобы его могли увидеть остальные.

Сила дрожал.

И мы дрожали вместе с ним.

Не сильно.

Достаточно.

Паника прошла по нам, как плохая, но честная весть: внимание, живые, умирать ещё рано, но возможность есть.

Элиана вела форму связи.

Она была ужасна.

Даже я это видел.

Кривая. Неровная. С пересечениями, которые любой нормальный маг Порядка стёр бы сразу, а потом гордо умер бы в идеально вычищенном круге.

Эта форма не хотела быть печатью.

Она хотела быть разговором.

Горн шёл рядом и говорил старые протоколы.

Не полностью.

Он ломал их на местах, где они пытались превратить нас в схему.

— Канал слуха закрепляется...

Пауза.

— ...только при наличии обратной связи.

Сенька усмехнулся сквозь страх:

— Запишите: обратная связь ругается.

— Канал веса фиксируется...

Горн сбился, посмотрел на Гвоздя.

— ...не на одном носителе.

Гвоздь коротко кивнул.

— Канал формы стабилизирует...

Элиана холодно добавила:

— ...если форма допускает живое отклонение.

Горн повторил:

— Если допускает живое отклонение.

Гильдейский камень трещал пылью.

Не от силы.

От несогласия с правкой.

Мне понравилось.

Старым камням полезно иногда узнать, что они не главные.

Центр зала потемнел.

Ниши начали тянуть сильнее.

И тогда станция показала нам, что будет, если мы согла-

симся.

На мгновение я увидел.

Не глазами.

Контуром.

Лиска стоит в нише страха.

Живая.

Но неподвижная.

Её страх больше не её. Он стал каналом.

Мишка сидит у карты, которая никогда не ошибается, потому что больше не описывает живое место — она сама стала частью места.

Сенька слушает голоса и отвечает им всем, пока у него не остаётся собственного.

Гвоздь держит вес так долго, что перестаёт быть человеком и становится опорой.

Дарен в боковом ходе, из которого есть выход только дальше в одиночество.

Сила принимает панику, пока она не становится тихой и вечной.

Элиана держит идеальную форму, в которой нет ни одной ошибки и ни одного дыхания.

Горн читает протокол без конца, потому что протокол наконец совпал с виной.

А я в центре.

Контур открыт.

Данные идут.

Станция стабильна.

Все сохранены.

Никто не живёт.

Я остановился.

Не от ужаса.

От злости.

— Нет, — сказал я снова.

На этот раз слово ударило сильнее.

Потому что его сказали не только мои губы.

Лиска сказала своим шагом.

Мишка — кривой линией.

Сенька — отказом отвечать одному.

Гвоздь — перенесённым весом.

Дарен — общим боковым ходом.

Сила — разделённой паникой.

Элиана — неправильной формой.

Горн — сломанным протоколом.

Узел сказал “нет”.

Не хором.

Хор — это слишком ровно.

Мы сказали по-разному.

И потому станция не смогла сразу перевести это в схему.

Стена между нишами дрогнула.

Дарен поднял руку.

— Здесь.

— Там нет двери, — сказал Горн.

— Потому и хорошо, — ответил Дарен.

Гвоздь шагнул вперёд и положил ладонь на камень.

— Не держит.

— Что? — спросила Элиана.

— Ложь.

Он надавил.

Не сильно.

Правильно.

Камень не треснул.

Он признался.

Серая поверхность пошла складкой, как ткань, которую слишком долго выдавали за стену. За ней не было коридора.

Была щель в решении.

Узкая.

Кривая.

Неправильная.

Наша.

— Мишка, — сказал я.

— Вижу.

Он уже чертил.

— Сенька.

— Слышу.

— Что?

— Там нет эха. Настоящая щель. Ещё не знает, как звучать.

— Лиска.

— Страх не хочет туда. Значит, туда.

— Сила.

— Паника живая. Плохая, но наша.

— Элиана.

Она посмотрела на щель.

Потом на свою форму.

— Она неустойчива.

— Это плохо?

Элиана медленно улыбнулась.

— Это живо.

— Горн.

Он провёл рукой по старому знаку у стены.

— Протокола для этого нет.

Сенька облегчённо вздохнул.

— Наконец-то хорошая новость.

Я посмотрел на щель.

Контур дал новую строку.

[Разделение узла: не выполнено]

[Совместное восприятие: сохранено]

[Центральный контур: частично открыт]

Потом ещё одна.

[Глубинная структура обнаружена]

[Класс: анализ...]

Строка зависла.

Не закончилась.

И мне это очень не понравилось.

Когда Контур думал слишком долго, обычно это означало, что перед нами не просто беда, а беда с образованием.

Пустой центр зала начал меняться.

Он не открылся.

Не вспыхнул.

Не провалился.

Он перестал быть пустым.

Внутри отсутствия появилась глубина.

Так бывает, когда смотришь в колодец, а потом понимаешь, что дна там нет не потому, что глубоко, а потому, что колодец смотрит обратно.

Семь ниш погасли.

Надпись на стене осыпалась пылью.

Но зал не стал безопасным.

Он стал честнее.

А честное плохое место — это не хорошо.

Это просто следующий уровень неприятностей.

Мишка поднял карту.

Руки у него дрожали, но глаза уже горели.

— Семь линий не вели к выходу, — сказал он.

— А куда? — спросил Сенька.

Мишка посмотрел на меня.

— К центру.

Горн медленно произнёс:

— Семь ворот...

Элиана закончила:

— Не открывались перед нами.

Лиска убрала кинжал.

Потом передумала и достала обратно.

Правильно.

— Они открывались нами, — сказал я.

Слова легли в зал тяжело.

И зал их принял.

Не как признание.

Как ключ.

Контур снова дрогнул.

[Центральный контур: доступ расширен]

[Условия входа: совместное восприятие]

[Класс: анализ продолжается]

Я смотрел в пустоту, которая уже не была пустотой.

И понимал: всё, что станция делала до сих пор, было не нападением.

Не совсем.

Это была проверка ключей.

Лискин страх.

Мишкина карта.

Сенькин слух.

Гвоздев вес.

Даренов отказ.

Силина паника.

Элианина форма.

Горнов протокол.

Мой Контур.

Нас проверяли не чтобы убить.

Убить нас можно было проще.

Нас проверяли, чтобы понять, можно ли нами открыть то,
что лежит глубже.

Сенька тихо сказал:

— Макар.

— Что?

— Мне очень не нравится, когда я начинаю понимать.

— Привыкай.

— Не хочу.

— Поздно.

Лиска посмотрела в центр.

— И что теперь?

Я поднял руку.

Не кулаком.

Пока нет.

Просто посмотрел на них.

На всех.

Они были рядом.

Не одинаковые.

Не правильные.

Не распределённые по нишам.

Живые.

Уставшие.

Злые.

Напуганные.

Связанные.

Узел не разделился.

И именно поэтому центр теперь смотрел на нас внимательнее.

— Теперь, — сказал я, — мы узнаем, что Гильдия на самом деле построила под этой станцией.

Горн побледнел.

Значит, тоже уже догадывался.

Пустота в центре раскрылась внутрь.

И оттуда потянуло не холодом.

Историей.

Старой.

Запечатанной.

Не умершей.

Ждавшей, пока кто-нибудь придёт не по протоколу, а живым узлом.

Я сжал кулак.

На этот раз не поднимая.

Пока.

Глава ещё не закончила нас проверять.

Но станция уже сделала главное.

Она показала дверь.

И я понял:

семь ворот открывались не перед нами.

Они открывались нами.

Глава 6. Центральный контур

Пустота в центре зала раскрылась внутрь.

Не открылась.

Не провалилась.

Не вспыхнула.

Просто перестала притворяться пустотой.

До этого она была местом, где ничего нет. Теперь стала местом, где ничего слишком долго ждало, чтобы его наконец заметили.

Я не люблю такие места.

Пустая комната честна.

Пустой карман — неприятен, но понятен.

Пустая тарелка в Яме вообще не загадка, а обычный вечер.

Но пустота, у которой есть глубина, — это уже не отсутствие. Это рот, который пока не решил, говорить ему или кусать.

Семь ниш по стенам погасли.

Не сразу.

Они будто обиделись, что мы не заняли свои места. Лискин страх не лёг в левую нишу. Мишкина карта не приблизилась к бумажному алтарю. Сенькин слух не ответил голосу. Гвоздь не стал опорой. Дарен не ушёл один. Сила не забрал всю панику в себя. Элиана не завершила форму разделения.

Горн не спрятался за протокол.

А я не встал в центр.

Станция, похоже, не привыкла к такой грубости.

Особенно от людей без допуска.

Сенька смотрел на раскрывающуюся пустоту и нервно тёр ладони.

— А можно мы сделаем вид, что не видели?

— Поздно, — сказал я.

— Это вообще очень обидное слово. Его надо запретить в опасных местах.

Лиска не убирала кинжал.

— Оно нас смотрит?

— Пока нет, — сказал я.

— А потом?

— Потом, думаю, начнёт.

Сенька поднял палец.

— Предлагаю до “потом” не доводить. Очень разумное управленческое решение.

Горн стоял у стены и смотрел в центр так, будто у него под ногами вдруг открылась не станция, а вся гильдейская история. И оттуда плохо пахло.

Элиана медленно подняла руку.

Не для заклинания.

Для формы.

Тонкие линии снова появились в воздухе, но теперь они не хотели строиться. Не слушались. Заворачивались к центру,

как волосы к огню.

— Не трогай, — сказал я.

Она остановилась.

— Я не трогаю.

— Форма трогает.

Элиана сжала пальцы. Линии погасли.

— Это неправильно, — сказала она.

Сенька выдохнул.

— Хотя что-то знакомое.

— Нет, — сказала Элиана. — Не так. Это не хаос.

— Хорошо? — осторожно спросил он.

Она посмотрела на центр.

— Нет. Хаос честнее.

Я повернул голову.

— Что видишь?

Элиана говорила медленно, будто сама не хотела верить своим словам.

— Порядок. Но не живой. Не служащий. Не тот, который держит мост или дом. Не тот, который помогает шагнуть и не упасть.

Она сделала паузу.

— Это порядок, который перестал служить живым.

Горн закрыл глаза.

Значит, понял.

Или вспомнил.

Иногда это одно и то же, только второе большее.

Контур дрогнул.

Я моргнул.

Линии по краям зрения потянулись к центру. Не обычные линии напряжения. Не опоры, не трещины, не нагрузка. Что-то другое.

История.

Не память места в человеческом смысле. Не лица, не слова, не “здесь стоял такой-то мастер и жаловался на сырость”.

Нет.

Контур показывал не воспоминания.

Он показывал следы действий.

Как инженер смотрит на разрушенную балку и видит не только трещину, но и то, как её грузили, где сначала пошёл металл, где промолчал крепёж, где человек решил “ещё постоит”.

Только здесь балкой была реальность.

[Контур: активен]

[Глубинная структура обнаружена]

[Объект: стационарный разлом]

[Локальная форма: семь ворот]

[Глубинная форма: единый фрагмент]

[Класс: анализ...]

Строка зависла.

Не закончилась.

Я очень не люблю, когда Контур думает.

У меня от этого всегда возникает ощущение, что мир сей-

час предъявит счёт за то, что я слишком долго притворялся понимающим человеком.

— Макар? — спросила Лиска.

— Контур нашёл глубинную структуру.

— По-человечески, — попросил Сенька.

— Станция не просто станция.

— Это мы уже как-то заподозрили, — сказал он. — Особенно когда она решила нас разложить по нишам, как плохой ужин по тарелкам.

Горн медленно произнёс:

— Глубинная структура...

Он шагнул к центру.

Я поднял руку.

Не кулаком.

Пока.

Но достаточно.

Горн остановился.

Хорошо. Учится.

— Не ближе, — сказал я.

— Я должен увидеть знаки.

— Ты должен остаться живым, чтобы потом объяснять нам, какие знаки пытались тебя убить.

Сенька кивнул.

— Поддерживаю. Объяснения мёртвого мастера обычно скучные и пахнут плохо.

Горн не улыбнулся.

Он смотрел в пустоту.

— Этого не должно было быть в учебной станции.

— Но было, — сказала Лиска.

Горн вздрогнул, будто её простые слова ударили сильнее любого обвинения.

— Если это действительно глубинный фрагмент...

— Говори прямо, — сказал я.

Он с трудом вдохнул.

— Значит, станцию построили не рядом с разломом. И не для имитации.

Элиана закончила за него:

— Её построили на нём.

Сила побледнел.

— На живом?

Горн молчал.

А молчание мастера Гильдии иногда отвечает хуже слов.

Контур показал первую картину.

Не видение.

Не иллюзию.

Отпечаток.

Центр зала дёрнулся, и камень вокруг нас на мгновение стал другим.

Сухой зал исчез.

Нет, не исчез. Наложился.

Поверх него проступила другая станция.

Новая.

Чистая.

Гордая.

Светлые плиты. Ровные линии. Молодые знаки над нишами. Люди в гильдейских мантиях. Уверенные. Умные. Очень аккуратные. Такие люди обычно умеют произносить слово “безопасность” так, что сразу хочется проверить выходы.

В центре стоял круг.

Не пустой.

В нём лежало что-то тёмное.

Не камень.

Не тварь.

Не предмет.

Фрагмент.

Маленький, если судить глазами.

Огромный, если верить тому, как вокруг него осторожно гнулся воздух.

Голос прозвучал не в ушах.

В самом Контуре.

Не живой голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.